

В. И. Ленин

Том 18

Полное собрание сочинений в 55-ти томах

Владимир Ленин

**Полное собрание сочинений.
Том 18. Материализм
и эмпириокритицизм**

«Public Domain»

Ленин В. И.

Полное собрание сочинений. Том 18. Материализм и эмпириокритицизм / В. И. Ленин — «Public Domain»,
— (Полное собрание сочинений в 55-ти томах)

Восемнадцатый том Полного собрания сочинений В. И. Ленина содержит произведение «Материализм и эмпириокритицизм», написанное в феврале – октябре 1908 года и изданное отдельной книгой в мае 1909 года, а также известные «Десять вопросов референту»

Содержание

Предисловие	6
1908 г.	14
Десять вопросов референту{ 1 }	14
Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии{ 11 }	16
Предисловие к первому изданию	18
Предисловие ко второму изданию	19
Вместо введения. Как некоторые «марксисты» опровергали материализм в 1908 году и некоторые идеалисты в 1710 году	19
Глава I. Теория познания эмпириокритицизма и диалектического материализма. I	31
1. Ощущения и комплексы ощущений	31
2. «Открытие элементов мира»	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41
Комментарии	

В. И. Ленин
Полное собрание сочинений
Том 18
Материализм и эмпириокритицизм

Пролетарии всех стран, соединяйтесь

Издание пятое

Печатается по постановлению Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза

Предисловие

Восемнадцатый том Полного собрания сочинений В. И. Ленина содержит произведение «Материализм и эмпириокритицизм», написанное в феврале – октябре 1908 года и изданное отдельной книгой в мае 1909 года, а также известные «Десять вопросов референту», которые были использованы в качестве тезисов И. Ф. Дубровинским, выступившим по поручению В. И. Ленина против махистских взглядов Богданова и его сторонников на реферате в Женеве в мае 1908 года.

«Материализм и эмпириокритицизм» – главный философский труд В. И. Ленина. Его историческое значение состоит в дальнейшем развитии марксистской философии, в ответе на коренные философские вопросы, вставшие в тот период перед партией, в философском обобщении новейших достижений естествознания. В нем Ленин подверг всесторонней критике реакционную буржуазную идеалистическую философию и философский ревизионизм. Работа «Материализм и эмпириокритицизм» – образец большевистской партийности в борьбе против врагов марксизма, в которой органически сочетаются страстная революционность и глубокая научность.

Творчески развивая учение К. Маркса и Ф. Энгельса, В. И. Ленин всесторонне разработал, применительно к новым историческим условиям, все составные части марксизма, в том числе диалектический и исторический материализм. Каждое произведение Ленина, даже если оно не посвящено специально философским проблемам, является образцом применения материалистической диалектики, как наиболее глубокого и всестороннего учения о развитии, к анализу исторической обстановки, экономических и политических явлений общественной жизни.

Ф. Энгельс отмечал, что с каждым составляющим эпоху открытием даже в естественно-исторической области материализм неизбежно должен изменять свою форму (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II, 1955, стр. 353–354). В изменившихся исторических условиях, когда капитализм вступил в империалистическую стадию своего развития, когда началась революция в естествознании, именно В. И. Ленин придал философскому материализму новый вид. Особенно большое значение в дальнейшей разработке диалектического материализма имела книга «Материализм и эмпириокритицизм» – классическое произведение ленинского этапа в развитии марксистской философской мысли.

Книгу «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин писал в тот период истории России, когда царское самодержавие, подавив революцию 1905–1907 годов, установило в стране жестокий полицейский террор, когда во всех областях общественной жизни свирепствовала реакция. «Упадок, деморализация, расколы, разброд, ренегатство, порнография на место политики. Усиление тяги к философскому идеализму; мистицизм, как облачение контрреволюционных настроений», – так охарактеризовал В. И. Ленин обстановку в стране после поражения первой русской революции (Сочинения, 4 изд., том 31, стр. 11). Идеологическое оправдание контрреволюции, возрождение религиозной мистики наложили свой отпечаток на науку, литературу, искусство. В философии господствовали наиболее реакционные формы идеализма, отрицавшие закономерный характер развития природы и общества и возможность их познания. В буржуазной среде, особенно в кругах интеллигенции, широкое распространение получило «богоискательство» – реакционное религиозно-философское течение, представители которого утверждали, что русский народ «потерял бога» и задача заключается в том, чтобы «найти» его. В литературе и искусстве превозносились культ индивидуализма, аполитичность, «чистое искусство», отказ от революционно-демократических традиций русской общественной мысли. Контрреволюционные силы делали все возможное, чтобы оклеветать рабочий класс и его партию, подорвать теоретические основы марксизма. В этих условиях защита марксистской философии встала как важнейшая и неотложная задача.

В. И. Ленин отмечал, что при богатстве и разносторонности идейного содержания марксизма в различные исторические периоды выдвигается на первый план то одна, то другая его сторона. Если накануне революции 1905–1907 годов основное значение имело применение экономического учения Маркса к российской действительности, а в период революции – вопросы тактики, то после революции на первый план выдвинулась марксистская философия. «Время общественной и политической реакции, – писал Ленин, – время «перевариванья» богатых уроков революции является не случайно тем временем, когда основные теоретические, и в том числе философские, вопросы для всякого *живого* направления выдвигаются на одно из первых мест» (Сочинения, 4 изд., том 17, стр. 54). Подобно тому как накануне первой русской революции Ленин опроверг либерально-народнические теории и применил экономическое учение Маркса к условиям России, а в годы революции – противопоставил оппортунизму меньшевиков единственно правильную большевистскую тактику, так в годы реакции Ленин разгромил махистскую ревизию марксизма, всесторонне разработал марксистскую философию, показал, что только она одна может служить теоретическим основанием деятельности пролетарской партии, ее стратегии и тактики, ее политической линии.

Реакция, свирепствовавшая в России, не была «чисто русским» явлением. Буржуазия во всех странах в эпоху империализма круто поворачивала, как писал Ленин, от демократии к «реакции по всей линии» – в экономике, политике, идеологии. В конце XIX – начале XX века в Европе распространилась так называемая философия «критического опыта» – эмпириокритицизм, или махизм. Возникшая как одна из разновидностей позитивизма, она претендовала на роль «единственно научной» философии якобы преодолевшей односторонности как материализма, так и идеализма, хотя на деле за этой формой скрывалась субъективно-идеалистическая, реакционная сущность. Под влияние эмпириокритицизма попали некоторые видные ученые (А. Пуанкаре, А. Эйнштейн и другие). Ряд социал-демократов, считавших себя «учениками Маркса», увидели в махизме «последнее слово науки», призванное «заменить» диалектико-материалистическую философию марксизма; махистская ревизия философских основ марксизма была проявлением международного оппортунизма. Один из лидеров германской социал-демократии К. Каутский считал возможным «дополнить» марксизм махистской гносеологией, на той же точке зрения стоял австрийский социал-демократ Ф. Адлер. В письме А. М. Горькому 31 января (13 февраля) 1908 года Ленин указал на связь оппортунизма с философским идеализмом: «Материализм, как философия, *везде у них в заgone*. «*Neue Zeit*», самый выдержанный и знающий орган, равнодушен к философии, никогда не был ярким сторонником философского материализма, а в последнее время печатал, без единой оговорки, эмпириокритиков... Все мещанские течения в социал-демократии воюют всего больше с философским материализмом, тянут к Канту, к неокантианству, к критической философии» (Сочинения, 4 изд., том 34, стр. 336).

В России наряду с открытыми врагами пролетариата и его партии (В. В. Лесевичем, В. М. Черновым и др.) с проповедью махизма выступила группа социал-демократической интеллигенции, в которую входили как меньшевики – Н. Валентинов, П. С. Юшкевич и другие, так и примыкавшие к большевикам А. Богданов, В. Базаров, А. В. Луначарский и другие, использовавшие махизм для ревизии диалектического материализма. При этом Богданов и его единомышленники выступали с ревизией не только философских, но и тактических принципов пролетарской партии, отстаивали сектантскую тактику «отзовизма», отказывались от использования легальных возможностей в политической борьбе. В условиях идейного разброда в годы реакции махистская ревизия марксизма, направленная на подрыв теоретических основ партии, на идейное разоружение пролетариата, представляла собой серьезную опасность, которая усугублялась тем обстоятельством, что махисты, особенно А. В. Луначарский, пытались сделать из социализма новый вид религии (так называемое «богостроительство»), считая, что в религиозной форме социализм будет «ближе и понятнее» русскому народу. Необходимо было показать

реакционную сущность махизма, защитить марксизм, разъяснить основные вопросы диалектического материализма, дать диалектико-материалистическое объяснение новым открытиям естествознания. Эти задачи выполнил В. И. Ленин в книге «Материализм и эмпириокритицизм».

Ленин считал необходимым как можно скорее издать «Материализм и эмпириокритицизм». «... Важно, чтобы книга вышла скорее, – писал он. – У меня связаны с ее выходом не только литературные, но и серьезные политические обязательства» (Сочинения, 4 изд., том 37, стр. 352). Он торопил с изданием книги потому, что в июне 1909 года предстояло совещание расширенной редакции газеты «Пролетарий» (фактически Большевицкого центра), на котором должен был произойти решительный бой с Богдановым и его сторонниками.

Против махистской ревизии марксизма выступал и Г. В. Плеханов, о чем положительно отзывался Ленин. Но критика махизма Плехановым носила ограниченный характер; в его работах игнорировалась связь махизма с кризисом естествознания и допускались ошибки при изложении диалектического материализма. Более того, исходя из своих фракционно-меньшевистских взглядов, Плеханов пытался найти связь между махизмом и большевизмом, нанося тем самым серьезный ущерб делу защиты марксистской теории от ревизионизма. Ревизионисты в области марксистской философии были разгромлены благодаря последовательной борьбе большевиков во главе с В. И. Лениным, решающую роль в которой сыграла книга «Материализм и эмпириокритицизм». Эта борьба имела огромное международное значение, она разбила утверждения оппортунистических лидеров II Интернационала о том, что философия якобы не связана с политикой, что философские взгляды каждого члена партии являются его частным делом, что можно быть марксистом, не будучи диалектическим материалистом в философии.

В отличие от эпохи К. Маркса и Ф. Энгельса, когда на первом плане стояла задача развития и защиты материалистического понимания истории и материалистической диалектики, на рубеже XIX–XX веков решающее значение в борьбе против философского идеализма приобрела защита и развитие марксистского философского материализма и диалектико-материалистической теории познания. Буржуазные философы стремились теоретически доказать невозможность познания объективной реальности, утверждали, что понятие материи «устарело», сводили задачу науки к «анализу ощущений» и т. п. Эту враждебную науке идеалистическую философию махисты пытались подкрепить новейшими открытиями естествознания, выдать за последнее слово науки. В. И. Ленин доказал несостоятельность подобных попыток, которые по существу означали возрождение субъективно-идеалистических взглядов Беркли и Юма.

Ленин вскрыл социальные, классовые корни махизма, показал, что он служит интересам буржуазии в ее борьбе против пролетариата, против его мировоззрения – диалектического и исторического материализма. Вместе с тем Ленин окончательно разоблачил реакционный характер махистской ревизии марксизма, раскрыл идеалистическую, антимарксистскую сущность «эмпириомонизма» Богданова, «эмпириосимволизма» Юшкевича и т. п.

В борьбе против реакционной идеалистической философии В. И. Ленин отстаивал марксистский философский материализм. Развивая его основные положения, он дал классическое определение материи, явившееся обобщением всей истории борьбы материализма с идеализмом и метафизикой и новых открытий естествознания. «Материя, – писал Ленин, – есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них» (настоящий том, стр. 131). Материю Ленин рассматривает в неразрывной связи с движением, подчеркивает, что объективная реальность и есть движущаяся материя. Ленинское определение материи играет важную роль в борьбе против современной идеалистической философии, представители которой, фальсифицируя достижения естествознания, также пытаются доказать «духовный характер» бытия, возможность уничтожения

материи, превращения ее в энергию, которую они рассматривают как некую «нематериальную сущность» и т. п.

В книге «Материализм и эмпириокритицизм» получила дальнейшее развитие данная Ф. Энгельсом формулировка основного вопроса философии – о соотношении материи и сознания. Указывая на первичность материи по отношению к сознанию, Ленин подчеркнул, что абсолютная противоположность материи, бытия и сознания, мышления ограничивается пределами «основного гносеологического вопроса», что «за этими пределами относительность данного противоположения несомненна» (стр. 151).

Великая заслуга Ленина состоит в том, что в борьбе против субъективного идеализма и агностицизма он всесторонне развил марксистское учение о познаваемости мира, теорию отражения. Ленин отстаивал материалистическое понимание психического, сознания как высшего продукта материи, как функции человеческого мозга, подчеркнул, что мышление, сознание есть отражение внешнего мира. Он дал замечательное определение ощущения как субъективного образа объективного мира, подверг критике агностическую теорию символов, или иероглифов, согласно которой ощущения являются лишь условными знаками, а не изображениями реальных вещей. Эта теория и в наши дни проповедуется представителями различных направлений современной буржуазной философии и ленинская критика ее имеет актуальное значение.

Ленин раскрыл сложный, диалектический процесс познания, показал, что диалектика и есть теория познания марксизма. К этому важнейшему положению, сформулированному Лениным позднее, в 1914–1915 годах, в работе «Карл Маркс» и в «Философских тетрадах», подводит весь ход ленинских рассуждений о сущности марксистской теории познания в книге «Материализм и эмпириокритицизм». «В теории познания, как и во всех других областях науки, – писал он, – следует рассуждать диалектически, т. е. не предполагать готовым и неизменным наше познание, а разбирать, каким образом из *незнания* является *знание*, каким образом неполное, неточное знание становится более полным и более точным» (стр. 102). Замечательным примером применения диалектики к исследованию процесса человеческого познания является данный в работе «Материализм и эмпириокритицизм» анализ учения об истине. В. И. Ленин определяет истину как сложный, противоречивый процесс развития знания и рассматривает его с двух сторон: в противоположность различным формам субъективного идеализма, агностицизма он подчеркивает объективность, независимость от субъекта содержания наших знаний; в то же время Ленин указывает, что познание есть процесс развития относительной истины в абсолютную, противопоставляя тем самым диалектико-материалистическое учение об истине как релятивизму, так и метафизике. «... Человеческое мышление, – писал Ленин, – по природе своей способно давать и дает нам абсолютную истину, которая складывается из суммы относительных истин. Каждая ступень в развитии науки прибавляет новые зерна в эту сумму абсолютной истины, но пределы истины каждого научного положения относительны, будучи то раздвигаемы, то суживаемы дальнейшим ростом знания» (стр. 137).

В. И. Ленин раскрыл значение практики в процессе познания как основы и цели познания, как критерия истины, показал, что точка зрения жизни, практики должна быть первой и основной в теории познания, что она неизбежно приводит к материализму. В своей книге В. И. Ленин указывал, что истинность марксизма подтверждается всем ходом развития капиталистических стран за последние десятилетия. В наши дни истинность марксистской теории подтверждается не только развитием классовой борьбы в странах капитала, но и практикой строительства социализма и коммунизма в странах мировой социалистической системы. Ревизионисты, как прежние, так и современные, стремятся фальсифицировать практику общественного развития и оправдать ревизию марксизма. Разоблачив попытки пересмотра основ марксистской теории, Ленин одновременно показал важность борьбы против догматизма, необходимость творческого подхода к марксизму. «Единственный вывод из того, разделяемого марксистами,

мнения, что теория Маркса есть объективная истина, – писал он, – состоит в следующем: идя *по пути* марксовской теории, мы будем приближаться к объективной истине все больше и больше (никогда не исчерпывая ее); идя же *по всякому другому пути*, мы не можем прийти ни к чему, кроме путаницы и лжи» (стр. 146). Все содержание книги «Материализм и эмпириокритицизм» является глубоким обоснованием возможности объективного познания законов природы и общества, проникнуто убеждением в могущество и силу человеческого разума. Разработка В. И. Лениным научной, диалектико-материалистической теории познания является блестящим образцом творческого развития диалектического материализма.

В конце XIX – начале XX века в естествознании началась подлинная революция: были открыты рентгеновские лучи (1895), явление радиоактивности (1896), электрон (1897), при изучении свойств которого обнаружили изменчивость его массы в зависимости от скорости, радий (1898) и т. д. Развитие науки показало ограниченный характер существовавшей до тех пор физической картины мира. Начался пересмотр целого ряда понятий, выработанных прежней, классической физикой, представители которой стояли, как правило, на позициях стихийного, неосознанного, часто метафизического материализма, с точки зрения которого новые физические открытия казались необъяснимыми. Классическая физика исходила из метафизического отождествления материи как философской категории с определенными представлениями о ее строении. Когда же эти представления коренным образом изменились, философы-идеалисты, а также отдельные физики, стали говорить об «исчезновении» материи, доказывать «несостоятельность» материализма, отрицать объективное значение научных теорий, усматривать цель науки лишь в описании явлений и т. п.

В. И. Ленин указывал, что возможность идеалистического истолкования научных открытий содержится уже в самом процессе познания объективной реальности, порождается самим прогрессом науки. Так, закон сохранения и превращения энергии был использован В. Оствальдом для обоснования «энергетизма», для доказательства «исчезновения» материи и превращения ее в энергию. Проникновение вглубь атома, попытки выделить его элементарные составные части привели к усилению роли математики в развитии физических знаний, что само по себе было положительным явлением. Однако математизация физики, а также принцип релятивизма, относительности наших знаний в период коренного изменения физической картины мира способствовали возникновению кризиса физики и явились гносеологическими источниками «физического» идеализма. В действительности новые открытия в физике, как показал В. И. Ленин, не только не опровергали, а, наоборот, подтверждали диалектический материализм, к которому подводило все развитие естествознания. Характеризуя сложный путь развития физики, ее стихийные поиски правильной философской теории, В. И. Ленин писал: «Современная физика... идет к единственно верному методу и единственно верной философии естествознания не прямо, а зигзагами, не сознательно, а стихийно, не видя ясно своей «конечной цели», а приближаясь к ней ощупью, шатаясь, иногда даже задом» (стр. 332).

Глубокий переворот во взглядах на природу, начавшийся на рубеже XIX–XX веков, совпал с усилением общественно-политической реакции, вызванным переходом капитализма в новую, империалистическую стадию своего развития. В этих условиях идеалистическая философия, воспользовавшись революцией в физике, сделала попытку вытеснить материализм из естествознания, навязать физике свое гносеологическое объяснение новых открытий, примирить науку и религию. «Суть кризиса современной физики, – писал Ленин, – состоит в ломке старых законов и основных принципов, в отбрасывании объективной реальности вне сознания, т. е. в замене материализма идеализмом и агностицизмом» (стр. 272–273). Эта «замена» облегчалась еще и тем, что сами условия жизни ученого в капиталистическом обществе толкают его к идеализму и религии.

В. И. Ленин не только проанализировал суть кризиса физики, но и определил путь выхода из него – усвоение физиками диалектического материализма. Развитие естествознания в СССР

и других социалистических странах, работы прогрессивных ученых капиталистических стран подтвердили ленинское предвидение.

В книге «Материализм и эмпириокритицизм» дано философское обобщение новых открытий естествознания, к которым Ленин подошел как философ, вооруженный наиболее прогрессивным методом мышления, которого как раз недоставало специалистам-физикам. Этот метод – материалистическая диалектика, в категориях которой только и может быть правильно отражена объективная диалектика природы. Этот метод, в противоположность как метафизике, так и релятивизму, настаивает, по словам Ленина, на приблизительном, относительном характере наших знаний о строении и свойствах материи, на отсутствии абсолютных граней в природе, на превращении движущейся материи из одного состояния в другое и т. п.

Исходя из материалистической диалектики, Ленин выдвинул положение о неисчерпаемости материи. «Электрон, – писал он, – так же *неисчерпаем*, как и атом, природа бесконечна, но она бесконечно *существует*, и вот это-то единственно категорическое, единственно безусловное признание ее *существования* вне сознания и ощущения человека и отличает диалектический материализм от релятивистского агностицизма и идеализма» (стр. 277–278). Эта замечательно глубокая ленинская мысль была всесторонне подтверждена дальнейшим развитием науки (открытием искусственной радиоактивности, сложной структуры атомного ядра, современной теорией «элементарных» частиц и т. д.).

В своей книге В. И. Ленин рассмотрел и такие философские проблемы естествознания, как вопрос о качественном многообразии материи и форм ее движения, принцип причинности, вопрос об объективной реальности пространства и времени как основных форм существования материи и другие. Эти ленинские идеи явились результатом обобщения с позиций диалектического материализма целого этапа в развитии естествознания, в особенности физики, знаменующего собой начало продолжающегося и в наши дни революционного переворота в науке и технике.

В книге «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленин показал неразрывное единство диалектического и исторического материализма, развил основные положения исторического материализма, прежде всего – положение об определяющей роли общественного бытия по отношению к общественному сознанию. Исторический материализм Ленин противопоставил идеалистической теории Богданова о тождестве бытия и сознания, а также антинаучным попыткам махистов подменить специфические закономерности общественного развития «социальной энергетикой», биологическими и другими естественнонаучными закономерностями.

В. И. Ленин раскрыл глубокую связь махизма с религией, показал, что идеализм как философское направление является важным средством сохранения и поддержания религии. В результате всестороннего изучения эмпириокритицизма, сопоставления его с другими разновидностями идеализма В. И. Ленин пришел к выводу, что идеализм «... есть только утонченная, рафинированная форма фидеизма, который стоит во всеоружии, располагает громадными организациями и продолжает неуклонно воздействовать на массы, обращая на пользу себе малейшее шатание философской мысли» (стр. 380). «Материализм и эмпириокритицизм» – произведение воинствующего пролетарского атеизма, основанного на последовательном научном мировоззрении – диалектическом и историческом материализме, непримиримого с какой бы то ни было формой защиты религии.

В борьбе с махистской ревизией марксизма В. И. Ленин обогатил марксистский принцип партийности науки, партийности философии. В своей книге Ленин разоблачил мнимую беспартийность буржуазной философии, прикрытую терминологическими ухищрениями и «ученой» схоластикой. Он показал, что развитие философии в антагонистическом, классовом обществе неизбежно проявляется в борьбе двух основных философских направлений – материализма и идеализма, выражающих, как правило, соответственно интересы прогрессивных

и реакционных классов. Раскрывая антинаучность идеализма, Ленин противопоставляет ему материалистическую философскую традицию (от Демокрита до Фейербаха и Чернышевского), которая получила свое высшее развитие в марксистской философии. Историю философии В. И. Ленин рассматривает как борьбу «тенденций или линий Платона и Демокрита», подчеркивает, что новейшая философия так же партийна, как и две тысячи лет тому назад, что развитие философских идей органически связано с практикой политической борьбы и «беспартийные» люди в философии – такие же безнадежные тупицы, как и в политике.

Имея в виду реакционных буржуазных ученых, Ленин писал: «*Ни одному* из этих профессоров, способных давать самые ценные работы в специальных областях химии, истории, физики, *нельзя верить ни в едином слове*, раз речь заходит о философии» (стр. 363). Боящая объективного исследования закономерностей общественного развития, которые обрекают капитализм на гибель, буржуазия требует от своих «приказчиков» фальсификации его выводов, доказательства «вечности», «незыблемости» капиталистического строя. Именно поэтому буржуазная партийность враждебна объективности, научности. Однако пролетариат, призванный освободить человечество от эксплуатации и являющийся законным преемником всего культурного наследия человечества, в том числе и созданного буржуазным обществом, не может обойтись без усвоения культуры прошлого. «Задача марксистов, – писал В. И. Ленин, – суметь усвоить себе и переработать те завоевания, которые делаются этими «приказчиками»... и *уметь* отсечь их реакционную тенденцию, уметь вести *свою* линию и бороться *со всей линией* враждебных нам сил и классов» (стр. 364). Выполнение этой двуединой задачи, поставленной Лениным, играет важную роль в борьбе за построение коммунистического общества. В процессе строительства коммунизма, поскольку он осуществляется в условиях сосуществования двух противоположных общественных систем: социализма и капитализма, особое значение приобретает вторая сторона этой задачи – борьба с буржуазной идеологией, борьба, в которой важнейшую роль играет развитый В. И. Лениным принцип революционной пролетарской партийности.

Книга Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» сыграла выдающуюся роль в идейном вооружении большевистской партии, в борьбе против всех форм и разновидностей оппортунизма, всех и всяких фальсификаторов марксизма в рабочем движении России. В. И. Ленин подчеркнул в ней логическую стройность, последовательность диалектического материализма. «В этой философии марксизма, вылитой из одного куска стали, – писал он, – нельзя вынуть ни одной основной посылки, ни одной существенной части, не отходя от объективной истины, не падая в объятия буржуазно-реакционной лжи» (стр. 346). Эти замечательные слова В. И. Ленина подтвердились всем ходом развития марксистской философской мысли, ее победоносной борьбой против реакционного мировоззрения империалистической буржуазии.

Книга В. И. Ленина и в наши дни является боевым оружием коммунистических и рабочих партий в борьбе за чистоту марксистской теории против буржуазной идеологии и современного ревизионизма. Она учит глубоко научно, по-марксистски разбираться в явлениях современной общественной жизни, раскрывать закономерности ее развития, вырабатывать на этой основе стратегию и тактику классовой борьбы, вскрывать классовые и гносеологические корни ревизионизма. Разоблачая ухищрения ревизионистов в борьбе против марксизма, Ленин писал: «Все более тонкая фальсификация марксизма, все более тонкие подделки антиматериалистических учений под марксизм, – вот чем характеризуется современный ревизионизм и в политической экономии, и в вопросах тактики, и в философии вообще, как в гносеологии, так и в социологии» (стр. 351). Эти ленинские указания имеют особенно важное значение для борьбы против современных ревизионистов. Книга Ленина является образцом для борьбы против современной буржуазной философии и социологии, в ней разоблачены основные приемы и методы «критики» марксизма идеологами реакционной буржуазии: подмена закономерностей общественного развития биологическими, психологическими и иными

«факторами», псевдогуманистическая защита человеческой личности, которой якобы пренебрегает марксизм, стремление фальсифицировать марксизм под видом его «развития» и т. п.

В. И. Ленин показал, а дальнейшее развитие естествознания подтвердило, что диалектический материализм есть единственно верная философия естествознания, наиболее последовательный и научный метод мышления. Ленинский труд помог многим прогрессивным ученым найти правильную дорогу в своих областях знания, порвать с идеалистической философией, перейти на позиции научного, диалектико-материалистического мировоззрения. Данный Лениным анализ развития естествознания на рубеже XIX–XX веков, глубокое философское обобщение достижений естествознания, его характеристика кризиса физики и определение пути выхода из него имеют важнейшее значение для борьбы против современной идеалистической фальсификации научных открытий, за победу диалектического материализма в естествознании, за дальнейший прогресс науки.

«Материализм и эмпириокритицизм» – великое произведение марксистской философии, имеющее огромное значение для овладения диалектико-материалистическим мировоззрением; и в наши дни философский труд В. И. Ленина продолжает служить делу борьбы против реакционной буржуазной философии и социологии, против ревизионизма и догматизма, делу познания и революционного преобразования мира.

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

1908 г.

Десять вопросов референту^[1]

Написано в мае, ранее 15 (28), 1908 г.

Впервые напечатано в 1925 г. в Ленинском сборнике III

Печатается по рукописи

L

Десять вопросов референту.

1. Признается ли референту, что ф-фия марксизма есть диалектический материализм?
 Если нет, то почему не признает он ни разу буржуазно-материалистический идеализм во всем?
 Если да, то зачем критикует марксизм своей "перелопачкованной" марксистской ф-фией "марксизма"?
 См. Сборник максимов 234
2. Признается ли референту основное отличие ф-фической науки у Энгельса от материализма и идеализма, ~~идеализма~~ средним между ф-фией и идеализмом, конкретном смысле марксистской науки от идеологии идеологической философии, называя эту науку "агностицизмом" и отбрасывая марксистскую революционную агностицизм, при чем среднего идеологической Революционной.
3. Признается ли референту, что в основе теории познания марксизма лежит признание объективно мира и идеализма, его в Кембриджской школе как ф-фа идеализма, а не как агностицизма?
4. Признается ли референту правильному утверждению Энгельса о превращении "вещей во себя" в "вещи для нас"? — Фейербах, 15 см 42, и 65
5. Признается ли референту правильному утверждению Энгельса, что диалектический материализм идеологическая философия, во всяком материализме? (Anti-idealism, 1911, 1912, 1913. I. и II. и III. и IV. и V.)
6. Признается ли референту правильному утверждению

Первая страница рукописи В. И. Ленина «Десять вопросов референту». – 1908 г. (Уменьшено)

1. Признает ли референт, что философия марксизма есть *диалектический материализм*? Если нет, то почему не разобрал он ни разу бесчисленных заявлений Энгельса об этом? Если да, то зачем называют махисты свой «пересмотр» диалектического материализма «философией марксизма»?

2. Признает ли референт основное деление философских систем у Энгельса на *материализм* и *идеализм*, причем средними между тем и другим, колеблющимися между ними считает Энгельс *линию* Юма в новой философии, называя эту линию «агностицизмом» и объявляя кантианство разновидностью агностицизма?^[2]

3. Признает ли референт, что в основе теории познания диалектического материализма лежит признание внешнего мира и отражения его в человеческой голове?

4. Признает ли референт правильным рассуждение Энгельса о превращении «вещей по себе» в «вещи для нас»?^[3]

5. Признает ли референт правильным утверждение Энгельса, что «действительное единство мира заключается в его материальности»? (*Anti-Dühring*, 2 изд., 1886 г., стр. 28, 1 отдел. § IV о мировой схематике)^[4].

6. Признает ли референт правильным утверждение Энгельса, что «материя без движения так же немыслима, как движение без материи» (*Anti-Dühring*, 1886, 2 изд., стр. 45, в § 6 о натурфилософии, космогонии, физике и химии)^[5].

7. Признает ли референт, что идея причинности, необходимости, закономерности и т. д. является отражением в человеческой голове законов природы, действительного мира? Или Энгельс был неправ, утверждая это (*Anti-Dühring*, S. 20–21, в § III – об априоризме, и S. 103–104, в § XI – о свободе и необходимости)^[6].

8. Известно ли референту, что Мах выражал свое согласие с главой имманентной школы, Шуппе, и даже посвятил ему свой последний и главный философский труд?^[7] Как объясняет референт это присоединение Маха к явно идеалистической философии Шуппе, защитника *поповщины* и вообще явного реакционера в философии?

9. Почему референт умолчал о «приключении» с его вчерашним товарищем (по «Очеркам»), меньшевиком Юшкевичем, который сегодня объявил Богданова (вслед за Рахметовым) *идеалистом*?^[8] Известно ли референту, что Петцольдт в своей последней книге^[9] целый ряд учеников Маха отнес к *идеалистам*?

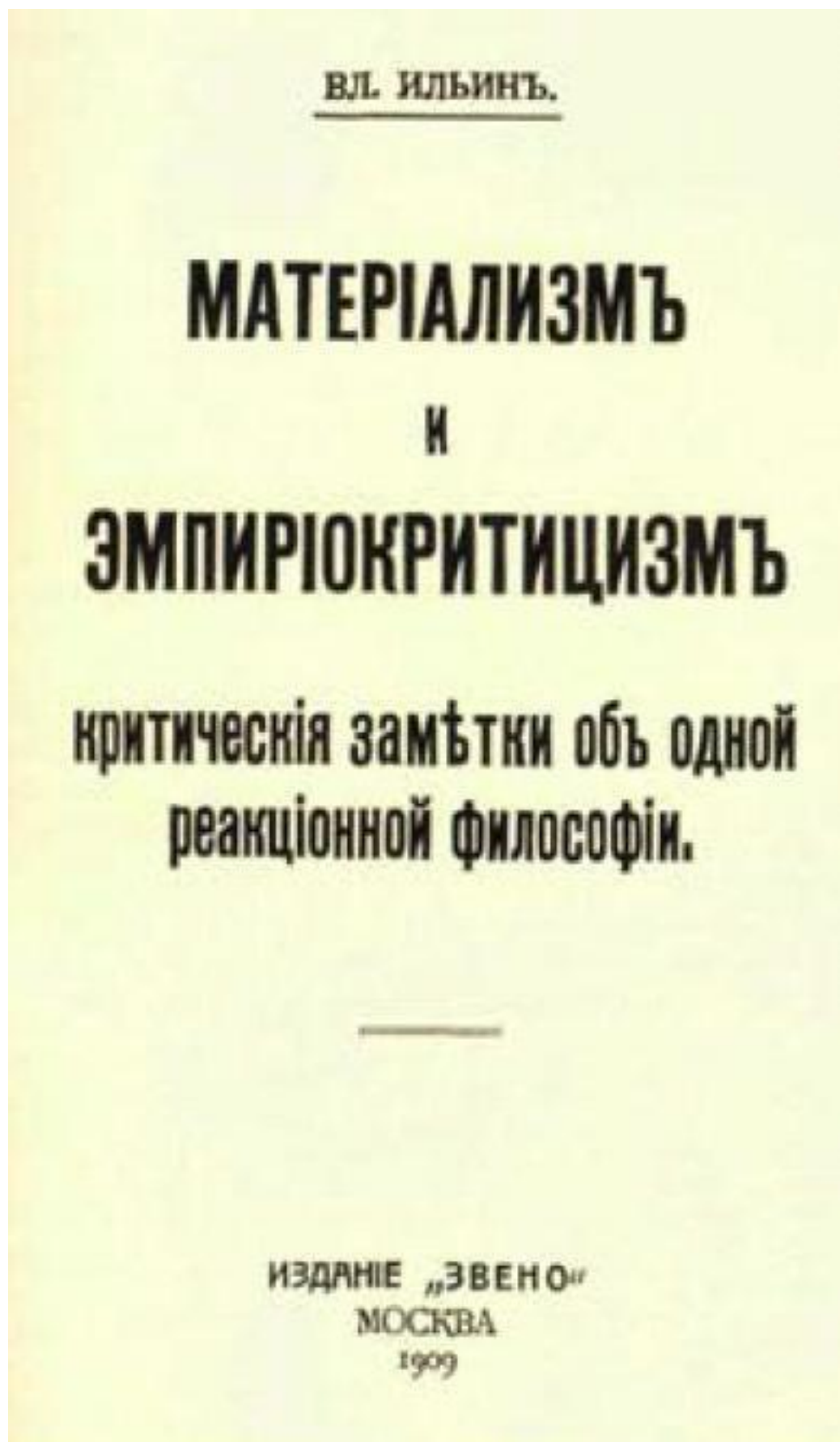
10. Подтверждает ли референт тот факт, что махизм не имеет ничего общего с большевизмом? что против махизма неоднократно протестовал Ленин?^[10] что меньшевики Юшкевич и Валентинов «чистые» эмпириокритики?

Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии^[11]

Написано о феврале – октябре 1908 г.; дополнение к § 1-му главы IV в марте 1909 г.

Напечатано в мае 1909 г. в Москве отдельной книгой издательством «Звено»

Печатается по тексту книги изд. 1909 г., сверенному с текстом книги изд. 1920 г.

Обложка первого издания книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». – 1909 г. (Уменьшено)

Предисловие к первому изданию

Целый ряд писателей, желающих быть марксистами, предприняли у нас в текущем году настоящий поход против философии марксизма. Менее чем за полгода вышло в свет четыре книги, посвященные главным образом и почти всецело нападкам на диалектический материализм. Сюда относятся прежде всего «Очерки по (? надо было сказать: против) философии марксизма», СПб., 1908, сборник статей Базарова, Богданова, Луначарского, Бермана, Гельфонда, Юшкевича, Суворова; затем книги: Юшкевича – «Материализм и критический реализм», Бермана – «Диалектика в свете современной теории познания», Валентинова – «Философские построения марксизма».

Все эти лица не могут не знать, что Маркс и Энгельс десятки раз называли свои философские взгляды диалектическим материализмом. И все эти лица, объединенные – несмотря на резкие различия политических взглядов – враждой против диалектического материализма, претендуют в то же время на то, что они в философии марксисты! Энгельсовская диалектика есть «мистика», – говорит Берман. Взгляды Энгельса «устарели», – мимоходом, как нечто само собою разумеющееся, бросает Базаров, – материализм оказывается опровергнутым нашими смелыми воинами, которые гордо ссылаются на «современную теорию познания», на «новейшую философию» (или «новейший позитивизм»), на «философию современного естествознания» или даже «философию естествознания XX века». Опираясь на все эти якобы новейшие учения, наши истребители диалектического материализма безбоязненно договариваются до прямого фидеизма¹⁽¹⁰⁰⁾ (у Луначарского всего яснее, но вовсе не у него одного!^[12]), но у них сразу пропадает всякая смелость, всякое уважение к своим собственным убеждениям, когда дело доходит до прямого определения своих отношений к Марксу и Энгельсу. На деле – полное отречение от диалектического материализма, т. е. от марксизма. На словах – бесконечные увертки, попытки обойти суть вопроса, прикрыть свое отступление, поставить на место материализма вообще кого-нибудь одного из материалистов, решительный отказ от прямого разбора бесчисленных материалистических заявлений Маркса и Энгельса. Это – настоящий «бунт на коленях», по справедливому выражению одного марксиста. Это – типичный философский ревизионизм, ибо только ревизионисты приобрели себе печальную славу своим отступлением от основных воззрений марксизма и своей боязнью или своей неспособностью открыто, прямо, решительно и ясно «рассчитаться» с покинутыми взглядами. Когда ортодоксам случилось выступать против устаревших воззрений Маркса (например, Мерингу против некоторых исторических положений^[13]), – это делалось всегда с такой определенностью и обстоятельностью, что никто никогда не находил в подобных литературных выступлениях ничего двусмысленного.

Впрочем, в «Очерках «по» философии марксизма» есть одна фраза, похожая на правду. Это – фраза Луначарского: «может быть, мы» (т. е., очевидно, все сотрудники «Очерков») «заблуждаемся, но ищем» (стр. 161). Что первая половина этой фразы содержит абсолютную,

¹ Фидеизм есть учение, ставящее веру на место знания или вообще отводящее известное значение вере⁽¹⁰⁰⁾.

⁽¹⁰⁰⁾ В. И. Ленин в письме А. И. Ульяновой-Елизаровой от 26 октября (8 ноября) 1908 года писал: «... если бы цензурные соображения оказались *очень* строги, можно было бы заменить везде слово «поповщина» словом «фидеизм» с пояснением в примечании («фидеизм есть учение, ставящее веру на место знания или вообще отводящее известное значение вере»). Это на случай – для *пояснения* характера уступок, на которые я пойду» (Сочинения, 4 изд., том 37, стр. 316). В другом письме сестре Ленин предлагал заменить слово «поповщина» словом «шаманство», на что та ответила: ««Шаманство» уже запоздало. Да разве оно лучше?» (там же, стр. 586). Из текста книги «Материализм и эмпириокритицизм» видно, что стоявшее первоначально в ленинской рукописи слово «поповщина» было заменено словом «фидеизм», хотя в некоторых местах оно осталось без исправления. Примечание, предложенное Лениным, было дано в первом издании книги и сохранилось в последующих изданиях.

а вторая – относительную истину, это я постараюсь со всей обстоятельностью показать в предлагаемой вниманию читателя книге. Теперь же замечу только, что если бы наши философы говорили не от имени марксизма, а от имени нескольких «ищущих» марксистов, то они проявили бы больше уважения и к себе самим и к марксизму.

Что касается до меня, то я тоже – «ищущий» в философии. Именно: в настоящих заметках я поставил себе задачей разыскать, на чем свихнулись люди, преподносящие под видом марксизма нечто невероятно сбивчивое, путаное и реакционное.

Сентябрь 1908 года.

Автор

Предисловие ко второму изданию

Настоящее издание, кроме отдельных исправлений текста, не отличается от предыдущего. Я надеюсь, что оно будет небесполезно, независимо от полемики с русскими «махистами», как пособие для ознакомления с философией марксизма, диалектическим материализмом, а равно с философскими выводами из новейших открытий естествознания. Что касается до последних произведений А. А. Богданова, с которыми я не имел возможности ознакомиться, то помещаемая ниже статья тов. В. И. Невского дает необходимые указания^[14]. Тов. В. И. Невский, работая не только как пропагандист вообще, но и как деятель партийной школы в особенности, имел полную возможность убедиться в том, что под видом «пролетарской культуры»^[15] проводятся А. А. Богдановым буржуазные и реакционные воззрения.

2 сентября 1920 года.

Н. Ленин

Вместо введения. Как некоторые «марксисты» опровергали материализм в 1908 году и некоторые идеалисты в 1710 году

Кто сколько-нибудь знаком с философской литературой, тот должен знать, что едва ли найдется хоть один современный профессор философии (а также теологии), который бы не занимался прямо или косвенно опровержением материализма. Сотни и тысячи раз объявляли материализм опровергнутым и в сто первый, в тысяча первый раз продолжают опровергать его поныне. Наши ревизионисты все занимаются опровержением материализма, делая при этом вид, что они собственно опровергают только материалиста Плеханова, а не материалиста Энгельса, не материалиста Фейербаха, не материалистические воззрения И. Дицгена, – и затем, что они опровергают материализм с точки зрения «нового» и «современного» позитивизма^[16], естествознания и т. п. Не приводя цитат, которые всякий желающий наберет сотнями в названных выше книгах, я напому те доводы, которыми побивают материализм Базаров, Богданов, Юшкевич, Валентинов, Чернов² и другие махисты. Это последнее выражение, как более краткое и простое, притом получившее уже право гражданства в русской литературе, я буду употреблять везде наравне с выражением: «эмпириокритики». Что Эрнст Мах – самый популярный в настоящее время представитель эмпириокритицизма, это общепризнано в философской литературе³, а отступления Богданова и Юшкевича от «чистого» махизма имеют совершенно второстепенное значение, как будет показано ниже.

---

² В. Чернов. «Философские и социологические этюды», Москва, 1907. Автор – такой же горячий сторонник Авенариуса и враг диалектического материализма, как Базаров и К^о.

³ См., например, Dr. Richard Hönlswaid. «Über die Lehre Hume's von der Realität der Außendinge», Brl., 1904, S. 26 (*Д-р Рихард Гёнигсвальд. «Учение Юма о реальности внешнего мира», Берлин, 1904, стр. 26. Ред.*).

Материалисты, говорят нам, признают нечто немислимое и непознаваемое – «вещи в себе», материю «вне опыта», вне нашего познания. Они впадают в настоящий мистицизм, допуская нечто потустороннее, за пределами «опыта» и познания стоящее. Толкуя, будто материя, действуя на наши органы чувств, производит ощущения, материалисты берут за основу «неизвестное», ничто, ибо-де сами же они единственным источником познания объявляют наши чувства. Материалисты впадают в «кантианство» (Плеханов – допуская существование «вещей в себе», т. е. вещей вне нашего сознания), они «удворяют» мир, проповедуют «дуализм», ибо за явлениями у них есть еще вещь в себе, за непосредственными данными чувств – нечто другое, какой-то фетиш, «идол», абсолют, источник «метафизики», двойник религии («святая материя», как говорит Базаров).

Таковы доводы махистов против материализма, повторяемые и пересказываемые на разные лады вышеназванными писателями.

Чтобы проверить, новы ли эти доводы и действительно ли они направляются только против одного, «впавшего в кантианство», русского материалиста, мы приведем подробные цитаты из сочинения одного старого идеалиста, Джорджа Беркли. Эта историческая справка тем более необходима во введении к нашим заметкам, что на Беркли и на его направление в философии нам придется неоднократно ссылаться ниже, ибо махисты неверно представляют и отношение Маха к Беркли и сущность философской линии Беркли.

Сочинение епископа Джорджа Беркли, вышедшее в 1710 году под названием «Трактат об основах человеческого познания»⁴, начинается следующим рассуждением: «Для всякого, кто обозревает *объекты* человеческого познания, очевидно, что они представляют из себя либо идеи (*ideas*), действительно воспринимаемые чувствами, либо такие, которые мы получаем, наблюдая эмоции и действия ума, либо, наконец, идеи, образуемые при помощи памяти и воображения... Посредством зрения я составляю идеи о свете и о цветах, об их различных степенях и видах. Посредством осязания я воспринимаю твердое и мягкое, теплое и холодное, движение и сопротивление... Обоняние дает мне запахи; вкус – ощущение вкуса; слух – звуки... Так как различные идеи наблюдаются вместе одна с другою, то их обозначают одним именем и считают какой-либо вещью. Например, наблюдают соединенными вместе (*to go together*) определенный цвет, вкус, запах, форму, консистенцию, – признают это за отдельную вещь и обозначают словом *яблоко*; другие собрания идей (*collections of ideas*) составляют камень, дерево, книгу и тому подобные чувственные вещи...» (§ 1).

Таково содержание первого параграфа сочинения Беркли. Нам надо запомнить, что в основу своей философии он кладет «твердое, мягкое, теплое, холодное, цвета, вкусы, запахи» и т. д. Для Беркли вещи суть «собрания идей», причем под этим последним словом он понимает как раз вышеперечисленные, скажем, качества или ощущения, а не отвлеченные мысли.

Беркли говорит дальше, что помимо этих «идей или объектов познания» существует то, что воспринимает их, – «ум, дух, душа или я» (§ 2). Само собою разумеется, – заключает философ, – что «идеи» не могут существовать вне ума, воспринимающего их. Чтобы убедиться в этом, достаточно подумать о значении слова: существовать. «Когда я говорю, что стол, на котором я пишу, существует, то это значит, что я вижу и ощущаю его; и если б я вышел из своей комнаты, то сказал бы, что стол существует, понимая под этим, что, если бы я был в своей комнате, то я мог бы воспринимать его...». Так говорит Беркли в § 3 своего сочинения и здесь же начинает полемику с людьми, которых он называет материалистами (§§ 18, 19 и др.). Для меня совершенно непонятно, – говорит он, – как можно говорить об абсолютном существовании вещей без их отношения к тому, что их кто-либо воспринимает? Существовать – значит

⁴ *George Berkeley*. «Treatise concerning the Principles of Human Knowledge», vol. I of Works, edited by A. Fraser, Oxford, 1871. Есть русский перевод (*Джордж Беркли*. «Трактат об основах человеческого познания», т. I Сочинений, изд. А. Фрейзера, Оксфорд, 1871. Ред.).

быть воспринимаемым (their, т. е. вещей *esse ispercipi*, § 3, – изречение Беркли, цитируемое в учебниках по истории философии). «Станным образом среди людей преобладает мнение, что дома, горы, реки, одним словом, чувственные вещи имеют существование, природное или реальное, отличное от того, что их воспринимает разум» (§ 4). Это мнение – «явное противоречие», – говорит Беркли. – «Ибо что же такое эти вышеупомянутые объекты, как не вещи, которые мы воспринимаем посредством чувств? а что же мы воспринимаем, как не свои собственные идеи или ощущения (ideas or sensations)? и разве же это прямо-таки не нелепо, что какие-либо идеи или ощущения, или комбинации их могут существовать, не будучи воспринимаемы?» (§ 4).

Коллекции идей Беркли заменяет теперь равнозначим для него выражением: *комбинации ощущений*, обвиняя материалистов в «нелепом» стремлении идти еще дальше, искать какого-то источника для этого комплекса... то бишь, для этой комбинации ощущений. В § 5 материалисты обвиняются в возне с абстракцией, ибо отделять ощущение от объекта, по мнению Беркли, есть пустая абстракция. «На самом деле, – говорит он в конце § 5, опущенном во втором издании, – объект и ощущение одно и то же (are the same thing) и не могут поэтому быть абстрагируемы одно от другого». «Вы скажете, – пишет Беркли, – что идеи могут быть копиями или отражениями (resemblances) вещей, которые существуют вне ума в немыслящей субстанции. Я отвечаю, что идея не может походить ни на что иное, кроме идеи; цвет или фигура не могут походить ни на что, кроме другого цвета, другой фигуры... Я спрашиваю, можем ли мы воспринимать эти предполагаемые оригиналы или внешние вещи, с которых наши идеи являются будто бы снимками или представлениями, или не можем? Если да, то, значит, они суть идеи, и мы не двинулись ни шагу вперед; а если вы скажете, что нет, то я обращусь к кому угодно и спрошу его, есть ли смысл говорить, что цвет похож на нечто невидимое; твердое или мягкое похоже на нечто такое, что нельзя осязать, и т. п.» (§ 8).

«Доводы» Базарова против Плеханова по вопросу о том, могут ли вне нас существовать вещи помимо их действия на нас, – ни на волос не отличаются, как видит читатель, от доводов Беркли против не называемых им поименно материалистов. Беркли считает мысль о существовании «материи или телесной субстанции» (§ 9) таким «противоречием», таким «абсурдом», что нечего собственно тратить время на ее опровержение. «Но, – говорит он, – ввиду того, что учение (tenet) о существовании материи пустило, по-видимому, глубокие корни в умах философов и влечет за собой столь многочисленные вредные выводы, я предпочитаю показаться многоречивым и утомительным, лишь бы не опустить ничего для полного разоблачения и искоренения этого предрассудка» (§ 9).

Мы сейчас увидим, о каких вредных выводах говорит Беркли. Покончим сначала с его теоретическими доводами против материалистов. Отрицая «абсолютное» существование объектов, т. е. существование вещей вне человеческого познания, Беркли прямо излагает воззрения своих врагов таким образом, что они-де признают «вещь в себе». В § 24-м Беркли пишет курсивом, что это опровергаемое им мнение признает *«абсолютное существование чувственных объектов в себе (objects in themselves) или вне ума»* (стр. 167–168 цит. издания). Две основные линии философских воззрений намечены здесь с той прямоотой, ясностью и отчетливостью, которая отличает философских классиков от сочинителей «новых» систем в наше время. Материализм – признание «объектов в себе» или вне ума; идеи и ощущения – копии или отражения этих объектов. Противоположное учение (идеализм): объекты не существуют «вне ума»; объекты суть «комбинации ощущений».

Это написано в 1710 году, т. е. за 14 лет до рождения Иммануила Канта, а наши махисты – на основании якобы «новейшей» философии – сделали открытие, что признание «вещей в себе» есть результат заражения или извращения материализма кантианством! «Новые» открытия махистов – результат поразительного невежества их в истории основных философских направлений.

Их следующая «новая» мысль состоит в том, что понятия «материи» или «субстанции» – остаток старых некритических воззрений. Мах и Авенариус, видите ли, двинули вперед философскую мысль, углубили анализ и устранили эти «абсолюты», «неизменные сущности» и т. п. Возьмите Беркли, чтобы проверить по первоисточнику подобные утверждения, и вы увидите, что они сводятся к претенциозной выдумке. Беркли вполне определенно говорит, что материя есть «nonentity» (несуществующая сущность, § 68), что материя есть *ничто* (§ 80). «Вы можете, – иронизирует Беркли над материалистами, – если это так уже вам хочется, употреблять слово «материя» в том смысле, в каком другие люди употребляют слово «ничто»» (р. 196–197 цит. изд.). Сначала, – говорит Беркли, – верили, что цвета, запахи и т. п. «действительно существуют», – потом отказались от этого воззрения и признали, что они существуют только в зависимости от наших ощущений. Но это устранение старых ошибочных понятий не доведено до конца: остаток есть понятие «субстанции» (§ 73) – такой же «предрассудок» (р. 195), окончательно разоблачаемый епископом Беркли в 1710 году! В 1908 году находятся у нас такие шутники, которые серьезно поверили Авенариусу, Петцольдту, Маху и К, что только «новый позитивизм» и «новейшее естествознание» доработались до устранения этих «метафизических» понятий.

Эти же шутники (Богданов в том числе) уверяют читателей, что именно новая философия разъяснила ошибочность «удвоения мира» в учении вечно опровергаемых материалистов, которые говорят о каком-то «отражении» сознанием человека вещей, существующих вне его сознания. Об этом «удвоении» названными выше авторами написана бездна прочувствованных слов. По забывчивости или по невежеству они не добавили, что эти новые открытия были уже открыты в 1710 году.

«Наше познание их (идей или вещей), – пишет Беркли, – было чрезвычайно затемнено, запутано, направлено к самым опасным заблуждениям предположением о двойном (twofold) существовании чувственных объектов, именно: одно существование – *интеллигибельное* или существование в уме, другое – *реальное*, вне ума» (т. е. вне сознания). И Беркли потешается над этим «абсурдным» мнением, допускающим возможность мыслить немислимое! Источник «абсурда», – конечно, различие «вещей» и «идей» (§ 87), «допущение внешних объектов». Тот же источник порождает, как открыл Беркли в 1710 году и вновь открыл Богданов в 1908 году, веру в фетиши и идолы. «Существование материи, – говорит Беркли, – или вещей, не воспринимаемых, было не только главной опорой атеистов и фаталистов, но на том же самом принципе держится идолопоклонничество во всех его разнообразных формах» (§ 94).

Тут мы подошли и к тем «вредным» выводам из «абсурдного» учения о существовании внешнего мира, которые заставили епископа Беркли не только теоретически опровергать это учение, но и страстно преследовать сторонников его, как врагов. «На основе учения о материи или о телесной субстанции, – говорит он, – воздвигнуты были все безбожные построения атеизма и отрицания религии... Нет надобности рассказывать о том, каким великим другом атеистов во все времена была материальная субстанция. Все их чудовищные системы до того очевидно, до того необходимо зависят от нее, что, раз будет удален этот краеугольный камень, – и все здание неминуемо развалится. Нам не к чему поэтому уделять особое внимание абсурдным учениям отдельных жалких сект атеистов» (§ 92, стр. 203–204 цит. изд.).

«Материя, раз она будет изгнана из природы, уносит с собой столько скептических и безбожных построений, такое невероятное количество споров и запутанных вопросов» («принцип экономии мысли», открытый Махом в 1870 годах! «философия, как мышление о мире по принципу наименьшей траты сил» – Авенариус в 1876 году!), «которые были бельмом в глазу для теологов и философов; материя причиняла столько бесплодного труда роду человеческому, что если бы даже те доводы, которые мы выдвинули против нее, были признаны недостаточно доказательными (что до меня, то я их считаю вполне очевидными), то все же я

уверен, что все друзья истины, мира и религии имеют основание желать, чтобы эти доводы были признаны достаточными» (§ 96).

Откровенно рассуждал, простовато рассуждал епископ Беркли! В наше время те же мысли об «экономном» удалении «материи» из философии облачают в гораздо более хитрую и запутанную «новой» терминологией форму, чтобы эти мысли сочтены были наивными людьми за «новейшую» философию!

Но Беркли не только откровенничал насчет тенденций своей философии, а старался также прикрыть ее идеалистическую наготу, изобразить ее свободной от нелепостей и приемлемой для «здравого смысла». Нашей философией, – говорил он, инстинктивно защищаясь от обвинения в том, что теперь было бы названо субъективным идеализмом и солипсизмом, – нашей философией «мы не лишаемся никаких вещей в природе» (§ 34). Природа остается, остается и различие реальных вещей от химер, – только «и те и другие одинаково существуют в сознании». «Я вовсе не оспариваю существования какой бы то ни было вещи, которую мы можем познавать посредством чувства или размышления. Что те вещи, которые я вижу своими глазами, трогаю своими руками, существуют, – реально существуют, в этом я нисколько не сомневаюсь. Единственная вещь, существование которой мы отрицаем, есть то, что *философы* (курсив Беркли) называют материей или телесной субстанцией. Отрицание ее не приносит никакого ущерба остальному роду человеческому, который, смею сказать, никогда не заметит ее отсутствия... Атеисту действительно нужен этот призрак пустого имени, чтобы обосновать свое безбожие...».

Еще яснее выражена эта мысль в § 37-м, где Беркли отвечает на обвинение в том, что его философия уничтожает телесные субстанции: «если слово *субстанция* понимать в житейском (vulgar) смысле, т. е. как комбинацию чувственных качеств, протяженности, прочности, веса и т. п., то меня нельзя обвинять в их уничтожении. Но если слово субстанция понимать в философском смысле – как основу акциденций или качеств (существующих) вне сознания, – то тогда действительно я признаю, что уничтожаю ее, если можно говорить об уничтожении того, что никогда не существовало, не существовало даже в воображении».

Английский философ Фрейзер, идеалист, сторонник берклианства, издавший сочинения Беркли и снабдивший их своими примечаниями, недаром называет учение Беркли «естественным реализмом» (р. X цит. изд.). Эта забавная терминология непременно должна быть отмечена, ибо она действительно выражает намерение Беркли подделаться под реализм. Мы много раз встретим в дальнейшем изложении «новейших» «позитивистов», которые в другой форме, в другой словесной оболочке повторяют эту же самую проделку или подделку. Беркли не отрицает существования реальных вещей! Беркли не разрывает с мнением всего человечества! Беркли отрицает «только» учение философов, т. е. теорию познания, которая серьезно и решительно берет в основу всех своих рассуждений признание внешнего мира и отражения его в сознании людей. Беркли не отрицает естествознания, которое всегда стояло и стоит (большей частью бессознательно) на этой, т. е. материалистической, теории познания. «Мы можем, – читаем в § 59, – из нашего опыта» (Беркли – философия «чистого опыта») ⁵ «относительно сосуществования и последовательности идей в нашем сознании... делать правильные заключения о том, что испытали бы мы (или: увидели бы мы), если бы были помещены в условия, весьма значительно отличающиеся от тех, в которых мы находимся в настоящее время. В этом и состоит познание природы, которое» (слушайте!) «может сохранить свое значение и свою достоверность вполне последовательно в связи с тем, что выше было сказано».

Будем считать внешний мир, природу – «комбинацией ощущений», вызываемых в нашем уме божеством. Признайте это, откажитесь искать вне сознания, вне человека «основы» этих ощущений – и я признаю в рамках своей идеалистической теории познания *все* естествозна-

⁵ Фрейзер настаивает в своем предисловии на том, что Беркли, как и Локк, «апеллирует исключительно к опыту» (р. 117).

ние, все значение и достоверность его выводов. Мне нужна именно эта рамка и только эта рамка для моих выводов в пользу «мира и религии». Такова мысль Беркли. С этой мыслью, правильно выражающей сущность идеалистической философии и ее общественное значение, мы встретимся впоследствии, когда будем говорить об отношении махизма к естествознанию.

Теперь же отметим еще одно новейшее открытие, позаимствованное в XX веке новейшим позитивистом и критическим реалистом П. Юшкевичем у епископа Беркли. Это открытие – «эмпириосимволизм». «Излюбленная теория» Беркли, – говорит А. Фрейзер, – есть теория «универсального естественного символизма» (р. 190 цит. изд.) или «символизма природы» (Natural Symbolism). Если бы эти слова не стояли в издании, вышедшем в 1871 году, то можно было бы заподозрить английского философа фидеиста Фрейзера в плагиате у современного математика и физика Пуанкаре и русского «марксиста» Юшкевича!

Самая теория Беркли, вызвавшая восторг Фрейзера, изложена епископом в следующих словах:

«Связь идей» (не забудьте, что для Беркли идеи и вещи – одно и то же) «не предполагает отношения *причины к следствию*, а только отношение метки или знака к вещи, *обозначающей так или иначе*» (§ 65). «Отсюда очевидно, что те вещи, которые с точки зрения категории причины (under the notion of a cause), содействующей или помогающей произведению следствия, являются совершенно необъяснимыми и ведут нас к великим нелепостям, – могут быть вполне естественно объяснены... если их рассматривать как метки или знаки для нашего осведомления» (§ 66). Разумеется, по мнению Беркли и Фрейзера, осведомляет нас посредством этих «эмпириосимволов» не кто иной, как божество. Гносеологическое же значение *символизма* в теории Беркли состоит в том, что он должен заменить «доктрину», «претендующую объяснять вещи телесными причинами» (§ 66).

Перед нами два философских направления в вопросе о причинности. Одно «претендует объяснять вещи телесными причинами», – ясно, что оно связано с «абсурдной» и опровергнутой епископом Беркли «доктриной материи». Другое сводит «понятие причины» к понятию «метки или знака», служащего «для нашего осведомления» (богом). С этими двумя направлениями в костюме XX века мы встретимся при разборе отношения к данному вопросу махизма и диалектического материализма.

Далее, по вопросу о реальности надо заметить еще, что Беркли, отказываясь признать существование вещей вне сознания, старается подыскать критерий для отличия реального и фиктивного. В § 36-м он говорит, что те «идеи», которые человеческий ум вызывает по своему усмотрению, «бледны, слабы, неустойчивы по сравнению с теми, которые мы воспринимаем в чувствах. Эти последние идеи, будучи запечатлеваемы в нас по известным правилам или законам природы, свидетельствуют о действии ума, более могущественного и мудрого, чем ум человеческий. Такие идеи, как говорят, имеют больше *реальности*, чем предыдущие; это значит, что они более ясны, упорядочены, разделены и что они не являются фикциями ума, воспринимающего их...». В другом месте (§ 84) Беркли понятие реального старается связать с восприятием одних и тех же чувственных ощущений одновременно многими людьми. Например, как решить вопрос: реально ли превращение воды в вино, о чем нам, допустим, рассказывают? «Если все присутствующие за столом видели бы его, слышали его запах, пили вино и ощущали его вкус, видели бы на себе последствия питья вина, то, по-моему, не могло бы быть сомнения в реальности этого вина». И Фрейзер поясняет: «Одновременное сознание различными лицами одних и тех же *чувственных* идей, в отличие от чисто индивидуального или личного сознания *воображаемых* объектов и эмоций, рассматривается здесь как доказательство *реальности* идей первого рода».

Отсюда видно, что субъективный идеализм Беркли нельзя понимать таким образом, будто он игнорирует различие между единоличным и коллективным восприятием. Напротив, на этом различии он пытается построить критерий реальности. Выводя «идеи» из воздействия

божества на ум человека, Беркли подходит таким образом к объективному идеализму: мир оказывается не моим представлением, а результатом одной верховной духовной причины, создающей и «законы природы» и законы отличия «более реальных» идей от менее реальных и т. д.

В другом своем сочинении «Три разговора между Гиласом и Филоноусом» (1713 г.), где Беркли в особенно популярной форме старается изложить свои взгляды, он излагает таким образом противоположность своей и материалистической доктрины:

«Я утверждаю так же, как и вы» (материалисты), «что, раз на нас оказывает действие нечто извне, то мы должны допустить существование сил, находящихся вне (нас), сил, принадлежащих существу, отличному от нас. Но здесь мы расходимся по вопросу о том, какого рода это могущественное существо. Я утверждаю, что это дух, вы – что это материя или я не знаю какая (могу прибавить, что и вы не знаете какая) третья природа...» (р. 335 цит. изд.).

Фрейзер комментирует: «В этом гвоздь всего вопроса. По мнению материалистов, чувственные явления вызываются *материальной субстанцией*, или какой-то неизвестной «третьей природой»; по мнению Беркли, – Рациональной Волей; по мнению Юма и позитивистов, их происхождение абсолютно неизвестно, и мы можем только обобщать их, как факты, индуктивным путем, согласно обычаю».

Английский берклианец Фрейзер подходит здесь со своей последовательно идеалистической точки зрения к тем самым основным «линиям» в философии, которые так ясно охарактеризованы у материалиста Энгельса. В своем сочинении «Людвиг Фейербах» он делит философов на «два больших лагеря»: материалистов и идеалистов. Основное отличие между ними Энгельс, – принимающий во внимание гораздо более развитые, разнообразные и богатые содержанием теории обоих направлений, чем Фрейзер, – видит в том, что для материалистов природа есть первичное, а дух вторичное, а для идеалистов наоборот. Между теми и другими Энгельс ставит сторонников Юма и Канта, как отрицающих возможность познания мира или по крайней мере полного его познания, называя их *агностиками*^[17]. В своем «Л. Фейербахе» Энгельс применяет этот последний термин только к сторонникам Юма (тем самым, которых Фрейзер называет и которые сами себя любят называть «позитивистами»), но в статье «Об историческом материализме» Энгельс прямо говорит про точку зрения «*неокантианского агностика*»^[18], рассматривая неокантианство^[19], как разновидность агностицизма^{6[101]}.

Мы не можем здесь останавливаться на этом замечательно правильном и глубоком рассуждении Энгельса (рассуждении, беззастенчиво игнорируемом махистами). Подробно об этом будет речь дальше. Пока мы ограничимся указанием на эту марксистскую терминологию и на это совпадение крайностей: взгляда последовательного материалиста и последовательного идеалиста на основные философские направления. Чтобы иллюстрировать эти направления (с которыми нам постоянно придется иметь дело в дальнейшем изложении), отметим вкратце взгляды крупнейших философов XVIII века, шедших по иному пути, чем Беркли.

Вот рассуждения Юма в «Исследовании относительно человеческого познания» в главе (12-й) о скептической философии: «Можно считать очевидным, что люди склонны в силу есте-

⁶ *Fr. Engels*. «Über historischen Materialismus», «Neue Zeit»^[101], XL Jg., Bd. I (1892–1893), Nr. 1, S. 18 (*Фр. Энгельс*. «Об историческом материализме», «Новое Время», XI год изд., т. I (1892–1893), № 1, стр. 18. *Ред.*). Перевод с английского сделан самим Энгельсом. Русский перевод в сборнике «Исторический материализм» (СПб., 1908, стр. 167) неточен.

^[101] «*Die Neue Zeit*» («Новое Время») – теоретический журнал Германской социал-демократической партии; выходил в Штутгарте с 1883 по 1923 год. До октября 1917 года редактировался К. Каутским, затем – Г. Куновым. В «*Die Neue Zeit*» были впервые опубликованы некоторые произведения К. Маркса и Ф. Энгельса: «Критика Готской программы» К. Маркса, «К критике проекта социал-демократической программы 1891 г.» Ф. Энгельса и др. Энгельс постоянно помогал своими советами редакции журнала и нередко критиковал ее за допускаявшиеся в журнале отступления от марксизма. В «*Die Neue Zeit*» сотрудничали видные деятели германского и международного рабочего движения конца XIX – начала XX века: А. Бебель, В. Либкнехт, Р. Люксембург, Ф. Меринг, К. Цеткин, П. Лафарг, Г. В. Плеханов и другие. Со второй половины 90-х годов, после смерти Энгельса, в журнале стали систематически печататься статьи ревизионистов, в том числе серия статей Э. Бернштейна «Проблемы социализма», открывшая поход ревизионистов против марксизма. В годы первой мировой войны журнал занимал центристскую позицию, поддерживая фактически социал-шовинистов.

ственного инстинкта или предрасположения доверять своим чувствам и что, без всякого рассуждения или даже перед тем, как прибегать к рассуждению, мы всегда предполагаем внешний мир (external universe), который не зависит от нашего восприятия, который существовал бы и в том случае, если бы мы и все другие способные ощущать создания исчезли или были бы уничтожены. Даже животные руководятся подобным мнением и сохраняют эту веру во внешние объекты во всех своих помыслах, планах и действиях... Но это всеобщее и первоначальное мнение всех людей скоро разрушается самой легкой (slightest) философией, которая учит нас, что нашему уму никогда не может быть доступно что-либо, кроме образа или восприятия, и что чувства являются лишь каналами (inlets), чрез которые эти образы пересылаются, не будучи в состоянии устанавливать какое-либо непосредственное отношение (intercourse) между умом и объектом. Стол, который мы видим, кажется меньшим, если мы отойдем дальше от него, но реальный стол, существующий независимо от нас, не изменяется; следовательно, нашему уму являлось не что иное, как только образ стола (image). Таковы очевидные указания разума; и ни один человек, который рассуждает, никогда не сомневался в том, что предметы (existences), о которых мы говорим: «этот стол», «это дерево», суть не что иное, как восприятия нашего ума... Каким доводом можно доказать, что восприятия в нашем уме должны быть вызываемы внешними предметами, совершенно отличными от этих восприятий, хотя и сходными с ними (если это возможно), а не проистекают либо от энергии самого ума, либо от действия какого-либо невидимого и неизвестного духа, либо от какой-нибудь другой причины, еще более неизвестной нам?... Каким образом этот вопрос может быть решен? Разумеется, посредством опыта, как и все другие вопросы подобного рода. Но в этом пункте опыт молчит и не может не молчать. Ум никогда не имеет перед собой никаких вещей кроме восприятий и он никоим образом не в состоянии произвести какой бы то ни было опыт относительно соотношения между восприятиями и объектами. Поэтому предположение такого соотношения лишено всякого логического основания. Прибегать к правдивости Верховного Существа для доказательства правдивости наших чувств – значит обходить вопрос совершенно неожиданным образом... Раз мы поставим вопрос о внешнем мире, мы потеряем все аргументы, которыми можно бы было доказать бытие такого Существа»⁷.

И то же самое говорит Юм в «Трактате о человеческой природе», часть IV, отдел II: «О скептицизме по отношению к чувствам». «Наши восприятия суть наши единственные объекты» (р. 281 франц. перевода Ренувье и Пильона, 1878 года). Скептицизмом называет Юм отказ от объяснения ощущений воздействием вещей, духа и т. п., отказ от сведения восприятий к внешнему миру, с одной стороны, к божеству или неизвестному духу, с другой. И автор предисловия к французскому переводу Юма, Пильон (F. Pillon), философ родственного Маху направления (как увидим ниже), справедливо говорит, что для Юма субъект и объект сводятся к «группам различных восприятий», к «элементам сознания, впечатлениям, идеям и т. д.», что речь должна идти только о «группировке и комбинации этих элементов»⁸. Равным образом, английский юмист Гексли, основатель меткого и верного выражения «агностицизм», подчеркивает в своей книге о Юме, что этот последний, принимая «ощущения» за «первоначальные, неразложимые состояния сознания», не вполне последователен по вопросу о том, воздействием ли объектов на человека или творческой силой ума следует объяснять происхождение ощущений. «Реализм и идеализм он (Юм) допускает как одинаково вероятные гипотезы»⁹. Юм не идет дальше ощущений. «Цвета красный и синий, запах розы, это – простые

⁷ David Hume. «An Enquiry concerning Human understanding», Essays and Treatises, vol. II, Lond., 1822, pp. 150–153 (Давид Юм. «Исследование относительно человеческого познания», Очерки и трактаты, т. II, Лондон, 1822, стр. 150–153. *Ред.*).

⁸ Psychologie de Hume. Traité de la nature humaine etc. Trad. par Ch. Renouvier et P. Pillon, Paris, 1878. Introduction, p. X (Психологические исследования Юма. Трактат о человеческой природе и т. д. Перевод Ш. Ренувье и Ф. Пильона, Париж, 1878. Введение, стр. X. *Ред.*).

⁹ Th. Huxley. «Hume», Lond., 1879, p. 74 (Т. Гексли. «Юм», Лондон, 1879, стр. 74. *Ред.*).

восприятия... Красная роза дает нам сложное восприятие (*complex impression*), которое может быть разложено на простые восприятия красного цвета, запаха розы и др.» (pp. 64–65, там же). Юм допускает и «материалистическую позицию» и «идеалистическую» (p. 82): «коллекция восприятий» может быть порождена фихтевским «я», может быть «изображением или хоть символом» чего-то реального (*real something*). Так толкует Юма Гексли.

Что касается материалистов, то вот отзыв о Беркли главы энциклопедистов^[20] Дидро: «Идеалистами называют философов, которые, признавая известным только свое существование и существование ощущений, сменяющихся внутри нас, не допускают ничего другого. Экстравагантная система, которую, на мой взгляд, могли бы создать только слепые! И эту систему, к стыду человеческого ума, к стыду философии, всего труднее опровергнуть, хотя она всех абсурднее»¹⁰. И Дидро, вплотную подойдя к взгляду современного материализма (что недостаточно одних доводов и силлогизмов для опровержения идеализма, что не в теоретических аргументах тут дело), отмечает сходство посылок идеалиста Беркли и сенсуалиста Кондильяка. Кондильяку следовало бы, по его мнению, заняться опровержением Беркли, чтобы предотвратить такие абсурдные выводы из взгляда на ощущения, как на единственный источник наших знаний.

В «Разговоре Даламбера и Дидро» этот последний излагает свои философские взгляды таким образом: «...Предположите, что фортепиано обладает способностью ощущения и памятью, и скажите, разве бы оно не стало тогда само повторять тех арий, которые вы исполняли бы на его клавишах? Мы – инструменты, одаренные способностью ощущать и памятью. Наши чувства – клавиши, по которым ударяет окружающая нас природа и которые часто сами по себе ударяют; вот, по моему мнению, все, что происходит в фортепиано, организованном подобно вам и мне». Даламбер отвечает, что такому фортепиано надо бы обладать способностью добывать себе пищу и производить на свет маленькие фортепиано. – Без сомнения, – возражает Дидро. Но возьмите яйцо. «Вот что ниспровергает все учения теологии и все храмы на земле. Что такое это яйцо? Масса неощущающая, пока в него не введен зародыш, а когда в него введен зародыш, то что это такое? Масса неощущающая, ибо этот зародыш в свою очередь есть лишь инертная и грубая жидкость. Каким образом эта масса переходит к другой организации, к способности ощущать, к жизни? Посредством теплоты. А что производит теплоту? Движение». Вылупившееся из яйца животное обладает всеми вашими эмоциями, прodelьывает все ваши действия. «Станете ли вы утверждать вместе с Декартом, что это – простая машина подражания? Но над вами расхохочутся малые дети, а философы ответят вам, что если это машина, то вы – такая же машина. Если вы признаете, что между этими животными и вами разница только в организации, то вы обнаружите здравый смысл и рассудительность, вы будете правы; но отсюда будет вытекать заключение против вас, именно, что из материи инертной, организованной известным образом, под воздействием другой инертной материи, затем теплоты и движения, получается способность ощущения, жизни, памяти, сознания, эмоций, мышления». Одно из двух, – продолжает Дидро: – либо допустить какой-то «скрытый элемент» в яйце, неизвестным образом проникающий в него в момент определенной стадии развития, – элемент, неизвестно, занимающий ли пространство, материальный или нарочито создаваемый. Это противоречит здравому смыслу и ведет к противоречиям и к абсурду. Либо остается сделать «простое предположение, которое объясняет все, именно – что способность ощущения есть всеобщее свойство материи или продукт ее организованности». На возражение Даламбера, что это предположение допускает такое качество, которое по существу несовместимо с материей, Дидро отвечает:

¹⁰ Œuvres complètes de Diderot, éd. par J. Assézat, Paris, 1875, vol. I, p. 304 (*Дидро*. Полное собрание сочинений, изд. Ж. Ассеза, Париж, 1875, т. I, стр. 304. *Ред.*).

«А откуда вы знаете, что способность ощущения по существу несовместима с материей, раз вы не знаете сущности вещей вообще, ни сущности материи, ни сущности ощущения? Разве вы лучше понимаете природу движения, его существование в каком-либо теле, его передачу от одного тела к другому?» Даламбер: «Не зная природы ни ощущения, ни материи, я вижу, что способность ощущать есть качество простое, единое, неделимое и несовместимое с субъектом или субстратом (*support*), который делим». Дидро: «Метафизико-теологическая галиматья! Как? Неужели вы не видите, что все качества материи, все ее доступные нашему ощущению формы по существу своему неделимы? Не может быть большей или меньшей степени непроницаемости. Может быть половина круглого тела, но не может быть половины круглости...». «Будьте физиком и согласитесь признать производный характер данного следствия, когда вы видите, как оно производится, хотя вы и не можете объяснить связи причины со следствием. Будьте логичны и не подставляйте под ту причину, которая существует и которая все объясняет, какой-то другой причины, которую нельзя постичь, связь которой со следствием еще меньше можно понять и которая порождает бесконечное количество трудностей, не решая ни одной из них». Даламбер: «Ну, а если я буду исходить от этой причины?». Дидро: «Во вселенной есть только одна субстанция, и в человеке, и в животном. Ручной органчик из дерева, человек из мяса. Чижик из мяса, музыкант – из мяса иначе организованного: но и тот, и другой – одинакового происхождения, одинаковой формации, имеют одни и те же функции, одну и ту же цель». Даламбер: «А каким образом устанавливается соответствие звуков между вашими двумя фортепиано?». Дидро: «... Инструмент, обладающий способностью ощущения, или животное убедилось на опыте, что за таким-то звуком следуют такие-то последствия вне его, что другие чувствующие инструменты, подобные ему, или другие животные приближаются или удаляются, требуют или предлагают, наносят рану или ласкают, и все эти следствия сопоставляются в его памяти и в памяти других животных с определенными звуками; заметьте, что в сношениях между людьми нет ничего, кроме звуков и действий. А чтобы оценить всю силу моей системы, заметьте еще, что перед ней стоит та же непреодолимая трудность, которую выдвинул Беркли против существования тел. Был момент сумасшествия, когда чувствующее фортепиано вообразило, что оно есть единственное существующее на свете фортепиано и что вся гармония вселенной происходит в нем»¹¹.

Это было написано в 1769 году. И на этом мы покончим нашу небольшую историческую справку. С «сумасшедшим фортепиано» и с гармонией мира, происходящей внутри человека, нам придется не раз встретиться при разборе «нового позитивизма».

Пока ограничимся одним выводом: «новейшие» махисты не привели против материалистов ни одного, буквально ни единого довода, которого бы не было у епископа Беркли.

Как курьез, отметим, что один из этих махистов, Валентинов, смутно чувствуя фальшь своей позиции, постарался «замести следы» своего родства с Беркли и сделал это довольно забавным образом. На стр. 150-й его книги читаем: «... Когда, говоря о Махе, кивают на Берклея, мы спрашиваем, о каком Берклее идет речь? О Берклее ли, традиционно считающемся (Валентинов хочет сказать: считаемом) за солипсиста, о Берклее ли, защищающем непосредственное присутствие и провидение божества? Вообще говоря (?), о Берклее ли, как философствующем епископе, сокрушающем атеизм, или о Берклее, как вдумчивом аналитике? С Берклеем, как солипсистом и с проповедником религиозной метафизики, Мах действительно не имеет ничего общего». Валентинов путает, не умея дать себе ясного отчета в том, почему ему пришлось защищать «вдумчивого аналитика» идеалиста Беркли от материалиста Дидро. Дидро отчетливо противопоставил основные философские направления. Валентинов спутывает их и при этом забавно утешает нас: «мы не считаем, – пишет он, – за философское преступление «близость» Маха к идеалистическим воззрениям Берклея, если бы таковая и в самом

¹¹ Там же, т. II, pp. 114–118.

деле существовала» (149). Спутать два непримиримые основные направления в философии, – какое же тут «преступление»? Ведь к этому сводится вся премудрость Маха и Авенариуса. К разбору этой премудрости мы и переходим.

Обложка второго издания книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». – 1920 г.

Глава I. Теория познания эмпириокритицизма и диалектического материализма. I

1. Ощущения и комплексы ощущений

Основные посылки теории познания Маха и Авенариуса откровенно, просто и ясно изложены ими в их первых философских произведениях. К этим произведениям мы и обратимся, откладывая до дальнейшего изложения разбор поправок и подчисток, впоследствии данных этими писателями.

«Задача науки, – писал Мах в 1872 году, – может состоять лишь в следующем: 1. Исследовать законы связи между представлениями (психология). – 2. Открывать законы связи между ощущениями (физика). – 3. Разъяснять законы связи между ощущениями и представлениями (психофизика)»¹². Это – вполне ясно.

Предмет физики – связь между ощущениями, а не между вещами или телами, образом которых являются наши ощущения. И в 1883 году в своей «Механике» Мах повторяет ту же мысль: «Ощущения – не «символы вещей». Скорее «вещь» есть мысленный символ для комплекса ощущений, обладающего относительной устойчивостью. Не вещи (тела), а цвета, звуки, давления, пространства, времена (то, что мы называем обыкновенно ощущениями) суть настоящие *элементы* мира»¹³.

Об этом словечке «элементы», явившемся плодом двенадцатилетнего «размышления», мы будем говорить ниже. Теперь нам надо отметить, что Мах признает здесь прямо, что вещи или тела суть комплексы ощущений, и что он вполне отчетливо противопоставляет свою философскую точку зрения противоположной теории, по которой ощущения суть «символы» вещей (точнее было бы сказать: образы или отображения вещей). Эта последняя теория есть *философский материализм*. Например, материалист Фридрих Энгельс – небезызвестный сотрудник Маркса и основоположник марксизма – постоянно и без исключения говорит в своих сочинениях о вещах и об их мысленных изображениях или отображениях (*Gedanken-Abbilder*), причем само собою ясно, что эти мысленные изображения возникают не иначе, как из ощущений. Казалось бы, что этот основной взгляд «философии марксизма» должен быть известен всякому, кто о ней говорит, и особенно всякому, кто *от имени* этой философии выступает в печати. Но ввиду необычайной путаницы, внесенной нашими махистами, приходится повторять общеизвестное. Раскрываем первый параграф «Анти-Дюринга» и читаем: «... вещи и их мысленные отображения...»¹⁴. Или первый параграф философского отдела: «Откуда берет мышление эти принципы?» (речь идет об основных принципах всякого знания). «Из себя самого? Нет... Формы бытия мышление никогда не может почерпнуть и выводить из себя самого, а только из внешнего мира... Принципы – не исходный пункт исследования» (как выходит у Дюринга, желающего быть материалистом, но не умеющего последовательно проводить материализм), «а его заключительный результат; эти принципы не применяются к природе и к человеческой истории, а абстрагируются из них; не природа, не человечество сообразуется с принципами, а, наоборот, принципы верны лишь постольку, поскольку они соответствуют

¹² E. Mach. «Die Geschichte und die Wurzel des Satzes von der Erhaltung der Arbeit». Vortrag gehalten in der K. Böhm. Gesellschaft der Wissenschaften am 15. Nov. 1871, Prag, 1872, S. 57–58 (Э. Мах. «Принцип сохранения работы, история и корень его». Доклад, читанный в королевском богемском научном обществе 15 ноября 1871 г., Прага, 1872, стр. 57–58. *Ред.*).

¹³ E. Mach. «Die Mechanik in ihrer Entwicklung historisch-kritisch dargestellt», 3. Auflage, Leipz., 1897, S. 473 (Э. Мах. «Механика. Историко-критический очерк ее развития», 3 изд., Лейпциг, 1897, стр. 473. *Ред.*).

¹⁴ Fr. Engels. «Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft», 5. Auflage, Stuttg., 1904, S. 6 (Фр. Энгельс. «Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом», 5 изд., Штутгарт, 1904, стр. 6. *Ред.*).

природе и истории. Таково единственно материалистическое воззрение на предмет, а противоположный взгляд Дюринга есть идеалистический взгляд, переворачивающий вверх ногами действительное соотношение, конструирующий действительный мир из мыслей...» (там же, S. 21)^[21]. И этот «единственно материалистический взгляд» Энгельс проводит, повторяем, везде и без исключения, беспощадно преследуя Дюринга за самое малейшее отступление от материализма к идеализму. Всякий, кто прочтет с капелькой внимания «Анти-Дюринга» и «Людвига Фейербаха», встретит десятки примеров, когда Энгельс говорит о вещах и об их изображениях в человеческой голове, в нашем сознании, мышлении и т. п. Энгельс не говорит, что ощущения или представления суть «символы» вещей, ибо материализм последовательный должен ставить здесь «образы», картины или отображение на место «символа», как это мы подробно покажем в своем месте. Но сейчас речь идет у нас совсем не о той или иной формулировке материализма, а о противоположности материализма идеализму, о различии двух основных *линий* в философии. От вещей ли идти к ощущению и мысли? Или от мысли и ощущения к вещам? Первой, т. е. материалистической, линии держится Энгельс. Второй, т. е. идеалистической, линии держится Мах. Никакие увертки, никакие софизмы (которых мы встретим еще многое множество) не устроят того ясного и неоспоримого факта, что учение Э. Маха о вещах, как комплексах ощущений, есть субъективный идеализм, есть простое пережевывание берклианства. Если тела суть «комплексы ощущений», как говорит Мах, или «комбинации ощущений», как говорил Беркли, то из этого неизбежно следует, что весь мир есть только мое представление. Исходя из такой посылки, нельзя прийти к существованию других людей, кроме самого себя: это чистейший солипсизм. Как ни отрекаются от него Мах, Авенариус, Петцольдт и К, а на деле без вопиющих логических нелепостей они не могут избавиться от солипсизма. Чтобы пояснить еще нагляднее этот основной элемент философии махизма, приведем некоторые дополнительные цитаты из сочинений Маха. Вот образчик из «Анализа ощущений» (русский перевод Котляра, изд. Скирмунта. М., 1907):

«Перед нами тело с острием S. Когда мы прикасаемся к острию, приводим его в соприкосновение с нашим телом, мы получаем укол. Мы можем видеть острие, не чувствуя укола. Но когда мы чувствуем укол, мы найдем острие. Таким образом, видимое острие есть постоянное ядро, а укол – нечто случайное, которое, смотря по обстоятельствам, может быть и не быть связано с ядром. С учащением аналогичных явлений привыкают, наконец, рассматривать *все* свойства тел, как «действия», исходящие из постоянных таких ядер и произведенные на наше Я через посредство нашего тела, – «действия», которые мы и называем «ощущениями»...» (стр. 20).

Другими словами: люди «привыкают» стоять на точке зрения материализма, считать ощущения результатом действия тел, вещей, природы на наши органы чувств. Эта вредная для философских идеалистов «привычка» (усвоенная всем человечеством и всем естествознанием!) чрезвычайно не нравится Маху, и он начинает разрушать ее:

«... Но этим ядра эти теряют все свое чувственное содержание, становясь голыми абстрактными символами...».

Старая погудка, почтеннейший г. профессор! Это буквальное повторение Беркли, говорившего, что материя есть голый абстрактный символ. Но голеньким-то на самом деле ходит Эрнст Мах, ибо если он не признает, что «чувственным содержанием» является объективная, независимо от нас существующая, реальность, то у него остается одно «голое абстрактное» Я, непременно большое и курсивом написанное Я = «сумасшедшее фортепиано, вообразившее, что оно одно существует на свете». Если «чувственным содержанием» наших ощущений не является внешний мир, то значит ничего не существует, кроме этого голенького Я, занимающегося пустыми «философскими» вывертами. Глупое и бесплодное занятие!

«...Тогда верно то, что мир состоит только из наших ощущений. Но мы тогда *только* и знаем наши ощущения, и допущение тех ядер, как и взаимодействие между ними, плодом

которого являются лишь ощущения, оказывается совершенно праздным и излишним. Такой взгляд может быть хорош лишь для *половинчатого* реализма или для *половинчатого* критицизма».

Мы выписали целиком весь 6-й параграф «антиметафизических замечаний» Маха. Это – сплошной плагиат у Беркли. Ни единого соображения, ни единого проблеска мысли, кроме того, что «мы ощущаем только свои ощущения». Из этого один только вывод, именно – что «мир состоит только из *моих* ощущений». Слово «наших», поставленное Махом вместо слова «моих», поставлено им незаконно. Одним этим словом Мах обнаруживает уже ту самую «половинчатость», в которой он обвиняет других. Ибо если «праздно» «допущение» внешнего мира, допущение того, что иголка существует независимо от меня и что между моим телом и острием иголки происходит взаимодействие, если все это допущение действительно «праздно и излишне», то праздно и излишне, прежде всего, «допущение» существования других людей. Существовать только Д а все остальные люди, как и весь внешний мир, попадает в разряд праздных «ядер». Говорить о «*наших*» ощущениях нельзя с этой точки зрения, а раз Мах говорит о них, то это означает лишь его вопиющую половинчатость. Это доказывает лишь, что его философия – праздные и пустые слова, в которые не верит сам автор.

Вот особенно наглядный пример половинчатости и путаницы у Маха. В § 6-м XI главы того же «Анализа ощущений» читаем: «Если бы в то время, как я ощущаю что-либо, я же сам или кто-нибудь другой мог наблюдать мой мозг с помощью всевозможных физических и химических средств, то можно было бы определить, с какими происходящими в организме процессами связаны определенного рода ощущения...» (197).

Очень хорошо! Значит, наши ощущения связаны с определенными процессами, происходящими в организме вообще и в нашем мозгу в частности? Да, Мах вполне определенно делает это «допущение» – мудрененько было бы не делать его с точки зрения естествознания. Но позвольте, – ведь это то самое «допущение» тех самых «ядер и взаимодействия между ними», которое наш философ объявил излишним и праздным! Тела, говорят нам, суть комплексы ощущений; идти дальше этого, – уверяет нас Мах, – считать ощущения продуктом действия тел на наши органы чувств есть метафизика, праздное, излишнее допущение и т. д. по Беркли. Но мозг есть тело. Значит, мозг есть тоже не более как комплекс ощущений. Выходит, что при помощи комплекса ощущений я (а я тоже не что иное, как комплекс ощущений) ощущаю комплексы ощущений. Прелесть что за философия! Сначала объявить ощущения «настоящими элементами мира» и на этом построить «оригинальное» берклианство, – а потом тайком протаскивать обратные взгляды, что ощущения связаны с определенными процессами в организме. Не связаны ли эти «процессы» с обменом веществ между «организмом» и внешним миром? Мог ли бы происходить этот обмен веществ, если бы ощущения данного организма не давали ему объективно правильного представления об этом внешнем мире?

Мах не ставит себе таких неудобных вопросов, сопоставляя механически обрывки берклианства с взглядами естествознания, стихийно стоящего на точке зрения материалистической теории познания... «Иногда задаются также вопросом, – пишет Мах в том же параграфе, – не ощущает ли и «материя» (неорганическая)»... Значит, о том, что *органическая* материя ощущает, нет и вопроса? Значит, ощущения не есть нечто первичное, а есть одно из свойств материи? Мах перепрыгивает через все нелепости берклианства!.. «Этот вопрос, – говорит он, – вполне естественен, если исходить из обычных, широко распространенных физических представлений, по которым материя представляет собою то *непосредственное* и несомненно данное *реальное*, на котором строится все, как органическое, так и неорганическое»... Запомним хорошенько это поистине ценное признание Маха, что обычные и широко распространенные *физические* представления считают материю непосредственной реальностью, причем лишь одна разновидность этой реальности (органическая материя) обладает ясно выраженным свойством ощущать... «Ведь в таком случае, – продолжает Мах, – в здании, состоящем из мате-

рии, ощущение должно возникать как-то внезапно, или оно должно существовать в самом, так сказать, фундаменте этого здания. С *нашей* точки зрения этот вопрос в основе своей ложен. Для нас материя не есть первое данное. Таким первичным данным являются скорее *элементы* (которые в известном определенном смысле называются ощущениями)»...

Итак, первичными данными являются ощущения, хотя они «связаны» только с определенными процессами в органической материи! И, говоря подобную нелепость, Мах как бы ставит в вину материализму («обычному, широко распространенному физическому представлению») нерешенность вопроса о том, откуда «возникает» ощущение. Это – образчик «опровержений» материализма фидеистами и их прихвостнями. Разве какая-нибудь другая философская точка зрения «решает» вопрос, для решения которого собрано еще недостаточно данных? Разве сам Мах не говорит в том же самом параграфе: «покуда эта задача (решить, «как далеко простираются в органическом мире ощущения») не разрешена ни в одном специальном случае, решить этот вопрос невозможно»?

Различие между материализмом и «махизмом» сводится, значит, по данному вопросу к следующему. Материализм в полном согласии с естествознанием берет за первичное данное материю, считая вторичным сознание, мышление, ощущение, ибо в ясно выраженной форме ощущение связано только с высшими формами материи (органическая материя), и «в фундаменте самого здания материи» можно лишь предполагать существование способности, сходной с ощущением. Таково предположение, например, известного немецкого естествоиспытателя Эрнста Геккеля, английского биолога Ллойда Моргана и др., не говоря о догадке Дидро, приведенной нами выше. Махизм стоит на противоположной, идеалистической, точке зрения и сразу приводит к бессмыслице, ибо, во-1-х, за первичное берется ощущение вопреки тому, что оно связано лишь с определенными процессами в определенном образом организованной материи; а, во-2-х, основная посылка, что тела суть комплексы ощущений, нарушается предположением о существовании других живых существ и вообще других «комплексов», кроме данного великого *Я*.

Словечко «элемент», которое многие наивные люди принимают (как увидим) за какую-то новинку и какое-то открытие, на самом деле только запутывает вопрос ничего не говорящим термином, создает лживую видимость какого-то разрешения или шага вперед. Эта видимость лживая, ибо на деле остается еще исследовать и исследовать, каким образом связывается материя, якобы не ощущающая вовсе, с материей, из тех же атомов (или электронов) составленной и в то же время обладающей ясно выраженной способностью ощущения. Материализм ясно ставит нерешенный еще вопрос и тем толкает к его разрешению, толкает к дальнейшим экспериментальным исследованиям. Махизм, т. е. разновидность путаного идеализма, засоряет вопрос и отводит в сторону от правильного пути посредством пустого словесного выверта: «элемент».

Вот одно место в последнем, сводном и заключительном, философском произведении Маха, показывающее всю фальшь этого идеалистического выверта. В «Познании и заблуждении» читаем: «Тогда как нет никакой трудности построить (*aufzubauen*) *всякий физический элемент* из ощущений, т. е. *психических элементов*, – нельзя себе и вообразить (*ist keine Möglichkeit abzusehen*), как можно было бы представить (*darstellen*) какое бы то ни было *психическое* переживание из элементов, употребляемых современной физикой, т. е. из масс и движений (в той закостенелости – *Starrheit* – этих элементов, которая удобна только для этой специальной науки)»¹⁵.

О закостенелости понятий у многих современных естествоиспытателей, об их метафизических (в марксистском смысле слова, т. е. антидиалектических) взглядах Энгельс гово-

¹⁵ *E. Mach. «Erkenntnis und Irrtum», 2. Auflage, 1906, S. 12, Anmerkung (Э. Мах. «Познание и заблуждение», 2 изд., 1906, стр. 12, примечание. Ред.).*

рит неоднократно с полнейшей определенностью. Мы увидим ниже, что Мах именно на этом пункте свихнулся, не поняв, или не зная, соотношения между релятивизмом и диалектикой. Но теперь речь идет не об этом. Нам важно отметить здесь, с какой наглядностью выступает *идеализм* Маха, несмотря на путаную, якобы новую, терминологию. Нет, видите ли, никакой трудности построить всякий физический элемент из ощущений, т. е. психических элементов! О, да, такие построения, конечно, не трудны, ибо это чисто словесные построения, пустая схоластика, служащая для протаскивания фидеизма. Неудивительно после этого, что Мах посвящает свои сочинения имманентам, что к Маху бросаются на шею имманенты, т. е. сторонники самого реакционного философского идеализма. Опоздал только лет на двести «новейший позитивизм» Эрнста Маха: Беркли уже достаточно показал, что «построить» «из ощущений, т. е. психических элементов», нельзя ничего, кроме *солипсизма*. Что же касается материализма, которому и здесь противопоставляет свои взгляды Мах, не называя «врага» прямо и ясно, то мы уже на примере Дидро видели настоящие взгляды материалистов. Не в том состоят эти взгляды, чтобы выводить ощущение из движения материи или сводить к движению материи, а в том, что ощущение признается одним из свойств движущейся материи. Энгельс в этом вопросе стоял на точке зрения Дидро. От «вульгарных» материалистов Фогта, Бюхнера и Молешотта Энгельс отгораживался, между прочим, именно потому, что они сбивались на тот взгляд, будто мозг выделяет мысль *так же*, как печень выделяет желчь. Но Мах, постоянно противопоставляющий свои взгляды материализму, игнорирует, разумеется, всех великих материалистов, и Дидро, и Фейербаха, и Маркса – Энгельса совершенно так же, как все прочие казенные профессора казенной философии.

Для характеристики первоначального и основного взгляда Авенариуса возьмем его первую самостоятельную философскую работу: «Философия, как мышление о мире по принципу наименьшей траты сил» («Пролегомены к Критике чистого опыта»), вышедшую в 1876 году. Богданов в своем «Эмпириомонизме» (кн. I, изд. 2, 1905, стр. 9, примечание) говорит, что «в развитии взглядов Маха исходной точкой послужил философский идеализм, тогда как для Авенариуса с самого начала характерна реалистическая окраска». Богданов сказал это потому, что поверил на слово Маху: см. «Анализ ощущений», русский перевод, стр. 288. Но поверил Маху Богданов напрасно, и утверждение его диаметрально противоположно истине. Напротив, идеализм Авенариуса так ясно выступает в названной работе 1876 года, что сам Авенариус в 1891 году вынужден был признать это. В предисловии к «Человеческому понятию о мире» Авенариус говорит: «Кто читал мою первую систематическую работу «Философия и т. д.», тот сразу предположит, что я должен попытаться трактовать вопросы «Критики чистого опыта» прежде всего с идеалистической точки зрения» («Der menschliche Weltbegriff», 1891, Vorwort, S. IX¹⁶), но «бесплодность философского идеализма» заставила меня «усомниться в правильности прежнего моего пути» (S. X). В философской литературе эта идеалистическая исходная точка зрения Авенариуса общепризнана; сошлюсь из французских писателей на Ковеларта, который говорит, что в «Пролегоменах» философская точка зрения Авенариуса есть «монистический идеализм»¹⁷⁽¹⁰²⁾; из немецких писателей назову ученика Авенариуса Рудольфа Вилли, который говорит, что «Авенариус в своей юности – и особенно в своей работе 1876 года – был всецело под обаянием (ganz im Banne) так называемого теоретико-познавательного идеализма»¹⁸.

¹⁶ «Человеческое понятие о мире», 1891, предисловие, стр. IX. *Ред.*

¹⁷ F. Van Cauwelaert. «L'empirio-criticisme» в «Revue Néo-Scolastique»^[102], 1907, февраль, стр. 51 (Ф. Ван Ковеларт. «Эмпириокритицизм» в «Неосхоластическом Обозрении». *Ред.*).

^[102] «Revue Néo-Scolastique» («Неосхоластическое Обозрение») – богословско-философский журнал, основанный католическим философским обществом в Лувене (Бельгия); выходил с 1894 по 1909 год под редакцией кардинала Мерсье. В настоящее время издается под названием «Revue Philosophique de Louvain» («Философское Обозрение Лувена»).

¹⁸ Rudolf Willy. «Gegen die Schulweisheit. Eine Kritik der Philosophie», München, 1905, S. 170 (Рудольф Вилли. «Против

Да и смешно было бы отрицать идеализм в «Прологоменах» Авенариуса, когда он прямо говорит там, что *«только ощущение может быть мыслимо, как существующее»* (стр. 10 и 65 второго немецкого издания; курсив в цитатах везде наш). Так излагает сам Авенариус содержание § 116 своей работы. Вот этот параграф в целом виде: «Мы признали, что существующее (или: сущее, *das Seiende*) есть субстанция, одаренная ощущением; субстанция отпадает...» («экономнее», видите ли, «меньше траты сил» мыслить, что «субстанции» нет и никакого внешнего мира не существует!) «... остается ощущение: сущее следует поэтому мыслить, как ощущение, в основе которого нет больше ничего, чуждого ощущению» (*nichts Empfindungsloses*).

Итак, ощущение существует без «субстанции», т. е. мысль существует без мозга! Неужели есть в самом деле философы, способные защищать эту безмозглую философию? Есть. В числе их профессор Рихард Авенариус. И на защите этой, как ни трудно здоровому человеку взять ее всерьез, приходится несколько остановиться. Вот рассуждение Авенариуса в §§ 89–90 того же сочинения:

«...То положение, что движение вызывает ощущение, основано на кажущемся только опыте. Этот опыт, отдельным актом которого является восприятие, состоит будто бы в том, что ощущение порождается в известного рода субстанции (мозгу) вследствие переданного движения (раздражений) и при содействии других материальных условий (например, крови). Однако – независимо от того, что это порождение никогда непосредственно (*selbst*) не было наблюдаемо – для того, чтобы конструировать предполагаемый опыт, как во всех своих частях действительный опыт, необходимо по крайней мере эмпирическое доказательство того, что ощущение, вызываемое будто бы в известной субстанции посредством переданного движения, не существовало уже раньше так или иначе в этой субстанции; так что появление ощущения не может быть понято иначе, как чрез посредство акта сотворения со стороны переданного движения. Итак, лишь доказательством того, что там, где теперь является ощущение, раньше не было никакого ощущения, даже минимального, лишь этим доказательством можно было бы установить факт, который, означая некий акт сотворения, противоречит всему остальному опыту и коренным образом меняет все остальное понимание природы (*Naturanschauung*). Но такого доказательства не дает никакой опыт, и нельзя его дать никаким опытом; наоборот, абсолютно лишенное ощущения состояние субстанции, которая впоследствии ощущает, есть лишь гипотеза. И эта гипотеза усложняет и затемняет наше познание вместо того, чтобы упрощать и прояснять его.

Если так называемый опыт, будто посредством переданного движения *возникает* ощущение в субстанции, начинающей ощущать с этого момента, оказался при ближайшем рассмотрении только кажущимся, – то, пожалуй, в остальном содержании опыта есть еще достаточно материала, чтобы констатировать хотя бы относительное происхождение ощущения из условий движения, именно: констатировать, что ощущение, имеющееся налицо, но скрытое или минимальное или по иным причинам не поддающееся нашему сознанию, в силу передаваемого движения освобождается или повышается, или становится сознанным. Однако и этот кусочек остающегося содержания опыта есть только видимость. Если мы посредством идеального наблюдения проследим движение, исходящее от движущейся субстанции А, передаваемое через ряд промежуточных центров и достигающее одаренной ощущением субстанции В, то мы найдем, в лучшем случае, что ощущение в субстанции В развивается или повышается одновременно с принятием доходящего движения, – но мы не найдем, что это произошло *вследствие* движения...».

Мы нарочно выписали полностью это опровержение материализма Авенариусом, чтобы читатель мог видеть, какими поистине жалкими софизмами оперирует «новейшая» эмпирио-

критическая философия. С рассуждением идеалиста Авенариуса сопоставим *материалистическое* рассуждение... Богданова, хотя бы в наказание ему за то, что он изменил материализму!

В давно-давно прошедшие времена, целых девять лет тому назад, когда Богданов наполовину был «естественноисторическим материалистом» (т. е. сторонником материалистической теории познания, на которой стихийно стоит подавляющее большинство современных естествоиспытателей), когда Богданов только наполовину был сбит с толку путаником Оствальдом, Богданов писал: «С древних времен и до сих пор держится в описательной психологии разграничение фактов сознания на три группы: область ощущений и представлений, область чувств, область побуждений... К первой группе относятся *образы* явлений внешнего или внутреннего мира, взятые в сознании сами по себе... Такой образ называется «ощущением», если он прямо вызван через органы внешних чувств соответствующим ему внешним явлением»¹⁹. Немного дальше: «ощущение... возникает в сознании, как результат какого-нибудь толчка из внешней среды, передаваемого через органы внешних чувств» (222). Или еще: «Ощущения составляют основу жизни сознания, непосредственную его связь с внешним миром» (240). «На каждом шагу в процессе ощущения совершается переход энергии внешнего раздражения в факт сознания» (133). И даже в 1905 году, когда Богданов успел, при благосклонном содействии Оствальда и Маха, перейти с материалистической точки зрения в философии на идеалистическую, он писал (по забывчивости!) в «Эмпириомонизме»: «Как известно, энергия внешнего раздражения, преобразованная в конечном аппарате нерва в недостаточно еще изученную, но чуждую всякого мистицизма, «телеграфную» форму нервного тока, достигает прежде всего нейронов, расположенных в так называемых «низших» центрах – ганглиозных, спинномозговых, субкортикальных» (кн. I, изд. 2, 1905, стр. 118).

Для всякого естествоиспытателя, не сбитого с толку профессорской философией, как и для всякого материалиста, ощущение есть действительно непосредственная связь сознания с внешним миром, есть превращение энергии внешнего раздражения в факт сознания. Это превращение каждый человек миллионы раз наблюдал и наблюдает действительно на каждом шагу. Софизм идеалистической философии состоит в том, что ощущение принимается не за связь сознания с внешним миром, а за перегородку, стену, отделяющую сознание от внешнего мира, – не за образ соответствующего ощущению внешнего явления, а за «единственно сущее». Авенариус придал лишь чуточку измененную форму этому старому софизму, истрепанному еще епископом Беркли. Так как мы еще не знаем всех условий ежеминутно наблюдаемой нами связи ощущения с определенным образом организованной материей, – то поэтому признаем существующим одно только ощущение, – вот к чему сводится софизм Авенариуса.

Чтобы покончить с характеристикой основных идеалистических посылок эмпириокритицизма, укажем вкратце на английских и французских представителей этого философского течения. Про англичанина Карла Пирсона Мах прямо говорит, что «согласен с его гносеологическими (*erkenntniskritischen*) взглядами во всех существенных пунктах» («Механика», цит. изд., стр. IX). К. Пирсон в свою очередь выражает свое согласие с Махом²⁰. Для Пирсона «реальные вещи» суть «чувственные восприятия» (*sense impressions*). Всякое признание вещей за пределами чувственных восприятий Пирсон объявляет метафизикой. С материализмом (не зная ни Фейербаха, ни Маркса – Энгельса) Пирсон воюет самым решительным образом, – доводы не отличаются от разобранных выше. Но Пирсону до такой степени чуждо при этом всякое желание подделаться под материализм (специальность русских махистов), Пирсон до такой степени... неосторожен, что, не выдумывая «новых» кличек для своей философии, он просто объявляет взгляды как свои, так и Маха «*идеалистическими*» (р. 326 цит. изд.)! Свою

¹⁹ А. Богданов. «Основные элементы исторического взгляда на природу», СПб., 1899, стр. 216.

²⁰ *Karl Pearson*. «The Grammar of Science», 2nd ed., Lond., 1900, p. 326 (Карл Пирсон. «Грамматика науки», 2 изд., Лондон, 1900, стр. 326. Ред.).

родословную Пирсон прямо ведет от Беркли и Юма. Философия Пирсона, как мы неоднократно увидим ниже, отличается гораздо большей цельностью и продуманностью, чем философия Маха.

С французскими физиками П. Дюгемом и Анри Пуанкаре Мах специально выражает свою солидарность²¹. О философских взглядах этих писателей, особенно сбивчивых и непоследовательных, нам придется говорить в главе о новой физике. Здесь достаточно отметить, что для Пуанкаре вещи суть «группы ощущений»²² и что подобный взгляд мимоходом высказывает и Дюгем²³.

Перейдем к тому, каким образом Мах и Авенариус, признав идеалистический характер своих первоначальных взглядов, *поправили* их в последующих своих сочинениях.

2. «Открытие элементов мира»

Под таким заглавием пишет о Махе приват-доцент Цюрихского университета Фридрих Адлер, едва ли не единственный немецкий писатель, желающий тоже дополнить Маркса махизмом²⁴{103}{104}. И надо отдать справедливость этому наивному приват-доценту, что он своим простодушием оказывает медвежью услугу махизму. Вопрос ставится по крайней мере ясно и резко: действительно ли Мах «открыл элементы мира»? Тогда, разумеется, только совсем отсталые и невежественные люди могут до сих пор оставаться материалистами. Или это открытие есть возврат Маха к старым философским ошибкам?

Мы видели, что Мах в 1872 году и Авенариус в 1876 г. стоят на чисто идеалистической точке зрения; для них мир есть наше ощущение. В 1883 году вышла «Механика» Маха, и в предисловии к первому изданию Мах ссылается как раз на «Пролегомены» Авенариуса, приветствуя «чрезвычайно близкие» (*sehr verwandte*) к его философии мысли. Вот рассуждение в этой «Механике» об элементах: «Все естествознание может лишь изображать (*nachbilden und Vorbilden*) комплексы тех *элементов*, которые мы называем обыкновенно *ощущениями*. Речь идет о связи этих элементов. Связь между А (тепло) и В (огонь) принадлежит к *физике*, связь между А и N (нервы) принадлежит физиологии. Ни та, ни другая связь не существует *в отдельности*, обе существуют вместе. Лишь на время можем мы отвлекаться от той или от другой. Даже, по-видимому, чисто механические процессы являются, таким образом, всегда и физиологическими» (S. 499 цит. нем. изд.). То же самое в «Анализе ощущений»: «... Там, где рядом с выражениями: «элемент», «комплекс элементов» или вместо них употребляются обозначения: «ощущение», «комплекс ощущений», нужно всегда иметь в виду, что элементы являются *ощущениями только* в этой *связи*» (именно: связи А, В, С с К, L, M, т. е. связи «комплексов, которые обыкновенно называются телами», с «комплексом, который мы называем нашим телом»), «в этом отношении, в этой функциональной зависимости. В другой функциональной зависимости они в то же время – физические объекты» (русск. перевод, стр. 23 и 17).

²¹ «Анализ ощущений», стр. 4. Ср. предисловие к «Erkenntnis und Irrtum», изд. 2-е.

²² *Henri Poincaré*. «La Valeur de la Science», Paris, 1905 (есть русский перевод), *passim* (*Анри Пуанкаре*. «Ценность науки», Париж, 1905, в ряде мест. *Ред.*).

²³ *P. Duhem*. «La théorie physique, son objet et sa structure», P., 1906. Ср. pp. 6, 10 (*П. Дюгем*. «Теория физики, ее предмет и строение», Париж, 1906. Ср. стр. 6, 10. *Ред.*).

²⁴ *Friedrich W. Adler*. «Die Entdeckung der Weltelemente (Zu E. Machs 70. Geburtstag)», «Der Kampf»^{103}, 1908, N 5 (Februar). Переведено в «The International Socialist Review»^{104}, 1908, N 10 (April) (*Фридрих В. Адлер*. «Открытие элементов мира (К семидесятилетию Э. Маха)», «Борьба», 1908, № 5 (февраль). Переведено в «Международном Социалистическом Обозрении», 1908, № 10 (апрель). *Ред.*). Одна статья этого Адлера переведена на русский язык в сборнике «Исторический материализм».

^{103} «Der Kampf» («Борьба») – ежемесячный журнал, орган австрийской социал-демократии; выходил в Вене с 1907 по 1934 год; занимал оппортунистическую, центристскую позицию, прикрывая ее левыми фразами. Редакторами журнала были О. Бауэр, А. Браун, К. Реннер, Ф. Адлер и другие.

^{104} «The International Socialist Review» («Международное Социалистическое Обозрение») – американский ежемесячный журнал ревизионистского направления; издавался в Чикаго с 1900 по 1918 год.

«Цвет есть физический объект, если мы обращаем, например, внимание на зависимость его от освещающего его источника света (других цветов, теплоты, пространства и т. д.). Но если мы обращаем внимание на *зависимость* его от *сетчатки* (элементов К, L, M...), перед нами – *психологический* объект, *ощущение*» (там же, стр. 24).

Итак, открытие элементов мира состоит в том, что

1) все существующее объявляется ощущением,

2) ощущения называются элементами,

3) элементы делятся на физическое и психическое; последнее – то, что зависит от нервов человека и вообще от человеческого организма; первое – не зависит;

4) связь физических и связь психических элементов объявляется не существующей отдельно одна от другой; они существуют лишь вместе;

5) лишь временно можно отвлекаться от той или другой связи;

6) «новая» теория объявляется лишенной «односторонности»²⁵.

Односторонности тут действительно нет, но есть самое бессвязное спутывание противоположных философских точек зрения. Раз вы исходите *только* из ощущений, вы словечком «элемент» не исправляете «односторонности» своего идеализма, а только запутываете дело, прячетесь трусливо от своей собственной теории. На словах вы устраняете противоположность между физическим и психическим²⁶, между материализмом (который берет за первичное природу, материю) и идеализмом (который берет за первичное дух, сознание, ощущение), – на деле вы сейчас же снова восстанавливаете эту противоположность, восстанавливаете ее тайком, отступая от своей основной посылки! Ибо, если элементы суть ощущения, то вы не вправе принимать ни на секунду существование «элементов» *вне зависимости* от моих нервов, от моего сознания. А раз вы допускаете такие независимые от моих нервов, от моих ощущений физические объекты, порождающие ощущение лишь путем воздействия на мою сетчатку, то вы позорно покидаете свой «односторонный» идеализм и переходите на точку зрения «односторонного» материализма! Если цвет является ощущением лишь в зависимости от сетчатки (как вас заставляет признать естествознание), то, значит, лучи света, падая на сетчатку, производят ощущение цвета. Значит, вне нас, независимо от нас и от нашего сознания существует движение материи, скажем, волны эфира определенной длины и определенной быстроты, которые, действуя на сетчатку, производят в человеке ощущение того или иного цвета. Так именно естествознание и смотрит. Различные ощущения того или иного цвета оно объясняет различной длиной световых волн, существующих вне человеческой сетчатки, вне человека и независимо от него. Это и есть материализм: материя, действуя на наши органы чувств, производит ощущение. Ощущение зависит от мозга, нервов, сетчатки и т. д., т. е. от определенным образом организованной материи. Существование материи не зависит от ощущения. Материя есть первичное. Ощущение, мысль, сознание есть высший продукт особым образом организованной материи. Таковы взгляды материализма вообще и Маркса – Энгельса в частности. Мах и Авенариус *тайком* протаскивают материализм посредством словечка «элемент», которое *якобы* избавляет их теорию от «односторонности» субъективного идеализма, *якобы* позволяет допустить зависимость психического от сетчатки, нервов и т. д., допустить независимость физического от человеческого организма. На деле, разумеется, проделка со словечком «элемент» есть самый жалкий софизм, ибо материалист, читая Маха и Авенариуса, сейчас же поставит вопрос: что такое «элементы»? Ребячеством было бы, в самом деле, думать, что выдумкой нового словечка можно отделаться от основных философских направлений. Либо «элемент» есть *ощуще-*

²⁵ Мах в «Анализе ощущений»: «Элементы обыкновенно называют ощущениями. Ввиду того, что под этим названием подразумевается уже определенная односторонняя теория, мы предпочитаем коротко говорить об элементах» (27–28).

²⁶ «Противоположность между *Я* и миром, ощущением или явлением и вещью тогда исчезает, и все дело сводится лишь к соединению элементов» («Анализ ощущений», стр. 21).

ние, как говорят все эмпириокритики, и Мах, и Авенариус, и Петцольдт²⁷, и т. д., – тогда ваша философия, господа, есть *идеализм*, тщетно пытающийся прикрыть наготу своего солипсизма нарядом более «объективной» терминологии. Либо «элемент» не есть ощущение, – и тогда с вашим «новым» словечком не связано *ровно никакой мысли*, тогда это просто важничанье пустышкой.

Возьмите, например, Петцольдта – последнее слово эмпириокритицизма, по характеристике первого и крупнейшего русского эмпириокритика В. Лесевича²⁸. Определив элементы, как ощущения, он заявляет во втором томе указанного сочинения: «Надо остерегаться того, чтобы в положении: «ощущения суть элементы мира» принимать слово «ощущение», как обозначающее нечто только субъективное и поэтому воздушное, превращающее в иллюзию (*verflüchtigendes*) обычную картину мира»²⁹.

Что у кого болит, тот о том и говорит! Петцольдт чувствует, что мир «испаряется» (*verflüchtigt sich*) или превращается в иллюзию, если считать элементами мира ощущения. И добрый Петцольдт думает помочь делу посредством оговорки: не надо принимать ощущение за нечто только субъективное! Ну разве же это не смешной софизм? Разве дело изменится от того, будем ли мы «принимать» ощущение за ощущение или стараться растягивать значение этого слова? Разве от этого исчезнет тот факт, что ощущения связаны у человека с нормально функционирующими нервами, сетчаткой, мозгом и т. д.? что внешний мир существует независимо от нашего ощущения? Если вы не хотите отделяться увертками, если вы серьезно хотите «остерегаться» субъективизма и солипсизма, то вам надо прежде всего остерегаться основных идеалистических посылок вашей философии; надо идеалистическую линию вашей философии (от ощущений к внешнему миру) заменить материалистической (от внешнего мира к ощущениям); надо отбросить пустое и путаное словесное украшение: «элемент», и просто сказать: цвет есть результат воздействия физического объекта на сетчатку = ощущение есть результат воздействия материи на наши органы чувств.

---

²⁷ *Joseph Petzoldt*. «Einführung in die Philosophie der reinen Erfahrung», Bd. I, Leipz., 1900, S. 113 (*Иосиф Петцольдт*. «Введение в философию чистого опыта», т. I, Лейпциг, 1900, стр. 113. *Ред.*): «Элементами называются ощущения в обычном смысле простых, неразложимых далее восприятий» (*Wahrnehmungen*).

²⁸ *В. Лесевич*. «Что такое научная» (читай: модная, профессорская, эклектическая) «философия?», СПб., 1891, стр. 229 и 247.

²⁹ *Петцольдт*. Bd. 2, Lpz., 1904, S. 329 (т. 2, Лейпциг, 1904, стр. 329. *Ред.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

«Десять вопросов референту» были написаны В. И. Лениным в первой половине мая 1908 года в Лондоне, куда он выезжал из Женевы для работы над книгой «Материализм и эмпириокритицизм», и посланы члену Большевицкого центра и члену редакции газеты «Пролетарий» И. Ф. Дубровинскому в качестве тезисов для его выступления на реферате А. Богданова «Приключения одной философской школы», который состоялся в Женеве 15 (28) мая 1908 года.

2.

См. Ф. Энгельс. «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II, 1955, стр. 350–351).

3.

См. Ф. Энгельс. «Введение к английскому изданию» работы «Развитие социализма от утопии к пауке» и «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II, 1955, стр. 89–92, 351–352).

4.

См. Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг», 1957, стр. 42.

5.

См. Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг», 1957, стр. 57.

6.

См. Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг», 1957, стр. 33–34, 107.

7.

В. И. Ленин имеет в виду книгу Эрнста Маха «Erkenntnis und Irrtum. Skizzen zur Psychologie der Forschung» («Познание и заблуждение. Эскизы психологии исследования»), посвященную «Вильгельму Шуппе в знак сердечного уважения». Первое издание книги вышло в Лейпциге в 1905 году.

8.

В. И. Ленин имеет в виду главу «Эмпириомонизм А. Богданова» в книге П. С. Юшкевича «Материализм и критический реализм. О философских направлениях в марксизме». СПб., 1908, стр. 161–193.

9.

В. И. Ленин имеет в виду книгу Иосифа Петцольдта «Das Weltproblem von positivistischem Standpunkte aus» («Проблема мира с позитивистской точки зрения»).

10.

См. письмо В. И. Ленина А. М. Горькому от 12 (25) февраля 1908 года (Сочинения, 4 изд., том 13, стр. 411–417).

11.

Книга «Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии» была написана В. И. Лениным в феврале – октябре 1908 года в Женеве и Лондоне;

издана в Москве в мае 1909 года издательством «Звено». Рукопись книги и подготовительные материалы к ней до сих пор не найдены.

12.

Ленин имеет в виду так называемое «богостроительство», враждебное марксизму религиозно-философское течение, которое возникло в период реакции среди части партийных интеллигентов, отошедших от марксизма после поражения революции 1905–1907 годов. «Богостроители» (А. В. Луначарский, В. Базаров и другие) проповедовали создание новой, «социалистической» религии, пытаясь примирить марксизм с религией. К ним одно время примыкал и А. М. Горький.

13.

В. И. Ленин, по-видимому, имеет в виду комментарий Ф. Меринга к статьям К. Маркса и Ф. Энгельса из «*Neue Rheinische Zeitung*» («Новая Рейнская Газета») и «*Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue*» («Новая Рейнская Газета. Политико-экономическое обозрение») (см. сборник «К. Маркс и Ф. Энгельс в эпоху немецкой революции (1848–1850 гг.)», 1926, стр. 3–86, 287–289, 293–307, 511–512). Комментируя в 1902 году (т. е. более чем через 50 лет) статьи Маркса и Энгельса, Меринг отмечает те положения, которые не оправдались в ходе исторического развития, в частности вопрос о судьбах славянских народов, входивших в состав Австрийской империи, и вопрос о темпах развития революции.

14.

Статья В. И. Невского «Диалектический материализм и философия мертвой реакции» была напечатана в 1920 году в виде приложения ко второму изданию книги «Материализм и эмпириокритицизм», а также в XIII томе второго и третьего изданий Сочинений В. И. Ленина.

15.

Идею «пролетарской культуры» А. Богданов выдвинул еще в 1909 году, понимая под этим необходимость выработки пролетариатом «собственной» культуры, которая противопоставлялась культуре прошлого, и в первую очередь – «собственной» философии, под видом которой преподносилась идеалистическая философия самого Богданова. Идею «пролетарской культуры» Богданов и его сторонники проводили в организованных ими школах для рабочих на о. Капри (1909) и в г. Болонье (1910–1911). Формально целью школ было просвещение приезжавших из России рабочих, фактически они играли роль фракционного антибольшевистского центра; их идейно-политическое направление означало «... разрыв с марксизмом и подчинение пролетариата буржуазной идеологии и политике» (В. И. Ленин. Сочинения, 4 изд., том 16, стр. 242–243).

16.

Позитивизм как философское направление возник во Франции в 30-х годах XIX века как реакция на французский материализм и атеизм XVIII столетия. Его основатель Огюст Конт отождествлял позитивизм с научным мышлением, основная задача которого – описание и упрощение связей данных опыта. Конт выступал против теологии, но вместо с тем доказывал необходимость «новой религии»; он объявлял «метафизикой» всякую теорию, признающую существование и познаваемость объективной реальности, пытался доказать, что позитивизм стоит «выше» как материализма, так и идеализма. Имея в виду эту характерную черту позитивизма, Ленин писал: «... это – жалкая каша, презренная партия середины в философии, путающая по каждому отдельному вопросу материалистическое и идеалистическое направление» (настоящий том, стр. 361). Широкое распространение

позитивизм получил в Англии, где наиболее крупными его представителями были Джон Стюарт Милль и Герберт Спенсер. В работах Милля ярко проявился эмпиризм позитивистской философии, ее отказ от философского истолкования действительности. Спенсер для обоснования позитивизма привлек обширный естественнонаучный материал; под влиянием дарвинизма он считал высшим законом всего существующего эволюцию, но понимал ее метафизически, отрицал возможность качественных скачков в природе и обществе, видел универсальную цель эволюции в установлении всеобщего «равновесия сил». В социологии Спенсер защищал реакционную, оправдывающую социальное неравенство «органическую теорию общества», согласно которой каждая общественная группа – по аналогии с органами живого тела – выполняет строго определенную функцию. Основанные на абстрактных формулах «прогресса», «общества вообще» и т. п. социологические взгляды Спенсера враждебны научной теории общественного развития.

17.

См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II, 1955, стр. 350–351.

18.

См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II, 1955, стр. 91.

19.

Неокантианство – реакционное направление в буржуазной философии, проповедующее субъективный идеализм под лозунгом возрождения философии Канта; возникло в середине девятнадцатого столетия в Германии, где в это время возрос интерес к кантианству. В 1865 году вышла книга О. Либмана «Кант и эпигоны», каждая глава которой заканчивалась призывом вернуться «назад к Канту». Либман выдвинул задачу исправить «основную ошибку» Канта – признание существования «вещей в себе». Возрождению кантианства способствовали работы К. Фишера и Э. Целлера; одним из ранних представителей неокантианства был Ф. А. Ланге, пытавшийся использовать физиологию для обоснования агностицизма.

20.

Энциклопедисты – группа французских просветителей XVIII века – философов, естествоиспытателей, публицистов, объединившихся для издания «Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers» (1751–1780) («Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел»). Ее организатором и руководителем был Дени Дидро, его ближайшим помощником – Жан Лерон Даламбер. Активное участие в издании «Энциклопедии» принимали Поль Анри Гольбах, Клод Адриан Гельвеции, Вольтер, в первых томах сотрудничал Жан Жак Руссо. «Энциклопедия» объединила широкий круг специалистов в различных областях знания, авторами статей были естествоиспытатели Бюффон и Добантон, экономисты Тюрго и Кенэ, инженер Буланже, врач Бартез, лесничий Леруа, поэт и философ Сен-Ламбер и др. Большую роль в издании «Энциклопедии» сыграл ее фактический секретарь Л. де Жокур. Сотрудники «Энциклопедии» придерживались различных взглядов как в науке, так и в политике; однако их объединяло отрицательное отношение к феодализму и произволу церкви, ненависть к средневековой схоластике. Ведущую роль среди энциклопедистов играли материалисты, активно выступавшие против идеалистической философии. Энциклопедисты были идеологами революционной буржуазии, они сыграли решающую роль в идейной подготовке буржуазной революции конца XVIII века во Франции. «Французские материалисты, – писал Энгельс, – не ограничивали своей критики только областью религии: они критиковали каждую научную традицию, каждое политическое учреждение своего времени. Чтобы доказать всеобщую применимость своей теории, они

избрали кратчайший путь: они смело применили ее ко всем объектам знания в том гигантском труде, от которого они получили свое имя, в «Энциклопедии». Таким-то образом, в той или иной форме, – как открытый материализм или как деизм, – материализм стал мировоззрением всей образованной молодежи во Франции» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II, 1955, стр. 97).

21.

См. Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг», 1957, стр. 21, 33–34.

100.

В. И. Ленин в письме А. И. Ульяновой-Елизаровой от 26 октября (8 ноября) 1908 года писал: «... если бы цензурные соображения оказались очень строги, можно было бы заменить везде слово «поповщина» словом «фидеизм» с пояснением в примечании («фидеизм есть учение, ставящее веру на место знания или вообще отводящее известное значение вере»). Это на случай – для пояснения характера уступок, на которые я пойду» (Сочинения, 4 изд., том 37, стр. 316). В другом письме сестре Ленин предлагал заменить слово «поповщина» словом «шаманство», на что та ответила: ««Шаманство» уже запоздало. Да разве оно лучше?» (там же, стр. 586). Из текста книги «Материализм и эмпириокритицизм» видно, что стоявшее первоначально в ленинской рукописи слово «поповщина» было заменено словом «фидеизм», хотя в некоторых местах оно осталось без исправления. Примечание, предложенное Лениным, было дано в первом издании книги и сохранилось в последующих изданиях.

101.

«Die Neue Zeit» («Новое Время») – теоретический журнал Германской социал-демократической партии; выходил в Штутгарте с 1883 по 1923 год. До октября 1917 года редактировался К. Каутским, затем – Г. Куновым. В «Die Neue Zeit» были впервые опубликованы некоторые произведения К. Маркса и Ф. Энгельса: «Критика Готской программы» К. Маркса, «К критике проекта социал-демократической программы 1891 г.» Ф. Энгельса и др. Энгельс постоянно помогал своими советами редакции журнала и нередко критиковал ее за допускаявшиеся в журнале отступления от марксизма. В «Die Neue Zeit» сотрудничали видные деятели германского и международного рабочего движения конца XIX – начала XX века: А. Бебель, В. Либкнехт, Р. Люксембург, Ф. Меринг, К. Цеткин, П. Лафарг, Г. В. Плеханов и другие. Со второй половины 90-х годов, после смерти Энгельса, в журнале стали систематически печататься статьи ревизионистов, в том числе серия статей Э. Бернштейна «Проблемы социализма», открывшая поход ревизионистов против марксизма. В годы первой мировой войны журнал занимал центристскую позицию, поддерживая фактически социал-шовинистов.

102.

«Revue Néo-Scolastique» («Неосхоластическое Обозрение») – богословско-философский журнал, основанный католическим философским обществом в Лувене (Бельгия); выходил с 1894 по 1909 год под редакцией кардинала Мерсье. В настоящее время издается под названием «Revue Philosophique de Louvain» («Философское Обозрение Лувена»).

103.

«Der Kampf» («Борьба») – ежемесячный журнал, орган австрийской социал-демократии; выходил в Вене с 1907 по 1934 год; занимал оппортунистическую, центристскую позицию, прикрывая ее левыми фразами. Редакторами журнала были О. Бауэр, А. Браун, К. Реннер, Ф. Адлер и другие.

104.

«The International Socialist Review» («Международное Социалистическое Обозрение») – американский ежемесячный журнал ревизионистского направления; издавался в Чикаго с 1900 по 1918 год.